

Охотник на ведьм

Автор:

[Макс Сек](#)

Охотник на ведьм

Макс Сек

Триллер по-скандинавски

Убита жена известного писателя Роджера Копонена. Поначалу все уверены, что женщина стала жертвой безумного поклонника творчества ее мужа. Но последующая череда ритуальных убийств, потрясших Хельсинки, наталкивает детектива Джессику Ниemi на мысль, что в городе орудует серийный убийца. Безумный фанатик, возомнивший себя инквизитором, разыгрывает ужасные убийства из бестселлера Роджера «Охотник на ведьм».

Возможно ли предугадать следующий шаг преступника, который знает каждую деталь книги лучше, чем сам автор?

Но чем дальше продвигается расследование, тем очевиднее: убийца действует не в одиночку, к преступлениям причастны адепты странного культа, которые всегда на шаг впереди полиции.

Джессика уверена, что фанатики не остановятся, пока не получат то, что хотят.

Макс Сек

Охотник на ведьм

Uskollinen lukija

Max Seeck

Original edition published by Tammi publishers, 2019.

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Elina Ahlback Literary Agency, Helsinki, Finland.

© Max Seeck 2019

© Попкова А., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Поднялся ветер, и в углах большого бетонного дома с большими стеклянными окнами, завывала вьюга. Барабанная дробь по крыше постепенно усиливалась, ее приглушенный стук напоминал треск костра. Мощные порывы ветра стремительно сметали огромные белые дюны, лежавшие во внутреннем дворике. Мария Копонен туго затянула пояс своего кардигана и посмотрела из окон гостиной в темноту, на замерзшее море, которое в это время года напоминало огромное поле, а затем бросила взгляд на освещенную низкими фонарями тропинку, ведущую к причалу.

Девушка зарыла пальцы ног в плюшевый ковер, покрывавший пол почти целиком. В доме было тепло и уютно, почти как в коконе, но сегодня Мария чувствовала себя странно. Даже самые незначительные мелочи казались ей необычайно раздражающими: например, те проклятые дорогие фонари во дворе, которые все еще работали с перебоями.

Мария вышла из раздумий, когда игравшая до этого музыка внезапно затихла. Она прошла мимо камина к огромной книжной полке, где размещалась

коллекция ее мужа: почти четыреста виниловых пластинок, выстроенных в пять аккуратных рядов.

С годами она привыкла к тому, что в этом доме нельзя услышать музыку из смартфона: винил звучит намного лучше. Именно так заявил ей Роджер много лет назад, когда она впервые увидела эту коллекцию. Тогда музыкальных альбомов было около трехсот – на сотню меньше, чем сейчас.

Меньше сотни. Тот факт, что за время их совместной жизни количество новых пластинок выросло так незначительно, заставляло Марию задуматься о том, как долго Роджер жил один до нее. Без нее. У нее самой до Роджера был только один мужчина: школьный роман, закончившийся ранним неудачным браком, а затем сразу же встреча со знаменитым писателем. В отличие от Роджера Мария не успела попробовать пожить наедине с собой, без партнера. Иногда девушка очень жалела о том, что у нее не было шанса узнать, что такое волнения юности, поиски себя, секс на одну ночь. Что такое свобода, в конце концов.

Марию несколько не смущало то, что Роджер был старше ее на шестнадцать лет. Однако ее терзала мысль, что однажды она может проснуться, охваченная чувством беспокойства и тревоги, тем самым чувством, которое не успокоится, пока вы не броситесь навстречу неизвестности достаточное количество раз. Роджер уже испытывал это в своей прежней жизни. Сейчас, в эту ненастную февральскую ночь, которую Мария проводит в одиночестве, она впервые увидела в этом угрозу их отношениям. Дисбаланс, который может опасно накренить их корабль в эпицентре настоящего шторма.

Мария подняла иглу проигрывателя, взяла виниловый диск кончиками пальцев и осторожно опустила его в картонный футляр, с которого на нее смотрел молодой художник в коричневой замшевой куртке и черно-белом клетчатом шарфе, самоуверенный и угрюмый. «Blonde on Blonde» Боба Дилана. Мария вернула пластинку на место и выбрала новую наугад, достав ее из конца аккуратно организованной по алфавиту коллекции. Мгновение спустя после короткого потрескивания из динамиков раздался медовый чувственный голос Стиви Уандера.

Внезапно она снова заметила что-то, на этот раз краем глаза. Ближайший к берегу фонарь во дворе на секунду погас и снова включился.

Он погрузился в темноту лишь на секунду, как и раньше. Мария знала, что световые элементы внутри фонарей заменили прямо перед Рождеством, она хорошо это помнила из-за необъяснимо большого счета за работу электрика. Все это очень ее раздосадовало.

Мария схватила телефон и набрала сообщение для Роджера. Она и сама не понимала, почему ей так хочется побеспокоить мужа, особенно зная, что сейчас он, должно быть, стоит на сцене и общается со своими читателями. Возможно, причина крылась в охватившем ее одиночестве, смешанном с неуверенностью и неоправданной ревностью. Мария некоторое время смотрела на отправленное сообщение, надеясь на то, что маленькие галочки внизу посинеют, но этого не произошло. Роджер пока не обращал внимания на свой телефон.

Вдруг запись будто заела на словах – «то, что я собираюсь сделать. То, что я собираюсь сделать. То, что я собираюсь...» Голос Уандера звучал неуверенно в этом странном кусочке, вырванном из прекрасного чувственного целого. Некоторые записи из коллекции Роджера находились в таком плохом состоянии, что их не стоило и хранить. Неужели в этом проклятом доме ничего не работает?

Внезапно девушку будто окатила холодная волна. Прежде чем ее охватило осознание происходящего, она выглянула из раздвижных дверей наружу и увидела чью-то тень. На мгновение ее контуры совпали с ее собственной тенью. Затем фигура двинулась навстречу ей, превращаясь в человека.

2

Роджер Копонен сел в кресло, обитое грубой, пропитанной потом тканью, и сощурился – прожекторы, свисающие с потолка главного конференц-зала, направлены прямо на людей на сцене. На мгновение все, что он видит, – это слепящий свет, он забывает о том, что перед ним и двумя его коллегами-авторами сидят четыреста любопытных читателей, которые набились в этот зал, чтобы послушать размышления своих любимых пьяниц-писателей об их последних романах.

Роджер понимал, что это мероприятие крайне важно для продвижения его книги, настолько, что он проехал четыреста километров по сильному снегу,

добираясь до главной площади Савонлинны, остановился переночевать в сомнительной гостинице, на первом этаже которой располагался посредственный ресторан быстрого питания с разукрашенными скатертями и сервировкой столов.

Но вот чего Роджер не понимал, так это причины, по которой эти милые жители Савонлинны потрудились явиться сюда в такую ночь. Несмотря на то что его книги разошлись миллионными тиражами по всему миру, он никогда не был кумиром, осаждаемым визжащими фанатами. Мало кто задумывается, но музыканты и писатели делают примерно одинаковую работу – один и то же шлак, только разная упаковка, – но именно первые вдохновляют женщин среднего возраста бросать свои трусики на сцену.

Однако люди все равно пришли. Большинство из них – пожилые, медленно склоняющие головы то в одну, то в другую сторону. Неужели они не устали от банальностей и поверхностных анализов, которые авторы книг извергают из себя словно спортивные комментаторы? Видимо, все не так, как кажется, ведь сегодня у них полный зал: ни одного свободного места.

Последний психологический триллер Роджера, выпущенный прошлой весной, был третьим и последним романом в его чрезвычайно популярной серии «Охота на ведьм». В общем-то его книги всегда продавались относительно хорошо, но «Охота на ведьм» стала бестселлером. Никто не ожидал такого прорыва, особенно его агент, который изначально скептически относился ко всему проекту, а также бывший издатель, с которым Роджеру пришлось попрощаться прямо перед публикацией первой книги из-за отсутствия уверенности в его перспективах. В течение нескольких лет права на перевод трилогии были проданы почти в тридцать стран мира, велись переговоры и по другим сделкам. Хотя с деньгами у них с Марией и раньше было неплохо, теперь они могли позволить себе все, что захотят. Внезапно вся возможная роскошь и удовольствия оказались совсем рядом.

Вечер проходил вполне предсказуемо, Роджер слышал эти вопросы сотни раз во время своих промоутов и отвечал на них на четырех разных языках, периодически меняя интонацию и мелкие детали с единственной целью – не заснуть от скуки среди всех этих ярких огней и натужного смеха.

– Ваши книги довольно жестокие, – произнес один из зрителей, но Роджер даже не оторвал взгляда от кувшина с водой, из которого он наполнял свой стакан

уже в третий или четвертый раз. Он часто слышал эти слова и не мог с этим не согласиться. Жестокие убийства, садистские пытки, сексуальное насилие над женщинами, жуткое погружение в глубины больных умов были описаны в работах Роджера Копонена в самых подробных деталях.

– Брет Истон Эллис как-то сказал, что он прорабатывает свои страхи, описывая кровавые сцены насилия, – продолжал голос. Роджер все-таки перевел взгляд на человека, сидевшего в центре зала с микрофоном в руке. Он поднес стакан к губам, ожидая, когда мужчина наконец задаст свой вопрос. Вместо этого наступила довольно долгая неловкая пауза, пока мужчина собирался с мыслями.

– Вы боитесь? Поэтому вы пишете? – наконец подытожил мужчина ровным пронзительным голосом. Роджер поставил стакан на стол и внимательно посмотрел на худого лысеющего мужчину. Очень интересно. Это граничит с наглостью. Такого вопроса он никогда раньше не слышал.

Роджер наклонился, приблизив губы к микрофону на столе. По какой-то причине в этот момент он почувствовал, как в его животе что-то перевернулось. Неужели я боюсь?

– В книге вы описали свои страхи? – спросил мужчина и опустил микрофон на колени. В нем было какое-то раздражающее самодовольство: ни намека на привычные Роджеру уважение или почтение, которые приносит слава.

– Верно, – ответил Роджер и задумчиво улыбнулся. На мгновение он забыл о человеке, задавшем вопрос, его взгляд рассеянно начал блуждать по залу. – Я думаю, что чувства автора всегда находят отражение в романе. Вы не можете не писать о том, что знаете или думаете. Страхи, надежды, травмы, то, что осталось незавершенным, ну и, конечно, поступки, которые вы оправдали перед самим собой слишком легко...

– Вы не ответили на вопрос, – упрекнул его щуплый человек, снова поднеся микрофон к губам. Роджер почувствовал, как охватившее его поначалу удивление, сменяется раздражением. Что это за допрос? Я не обязан выслушивать все это дерьмо независимо от обстоятельств.

– Не могли бы вы уточнить? – вмешался Паве Коскинен, именитый литературный критик, организовавший это мероприятие и выступавший в качестве модератора

дискуссии. Он, без сомнения, считал, что справился со своей ролью с блеском, и теперь боялся, что его звездный гость, знаменитый писатель, автор трех международных бестселлеров, обидится. Но Роджер успокаивающе поднял руку и самоуверенно улыбнулся.

– Возможно, я не понял вопроса. Пишу ли я о том, чего больше всего боюсь?

– Нет. Не совсем так, – сказал мужчина необычно холодным тоном. Кто-то в первом ряду закашлял.

Роджер спрятал смущение за идиотской улыбкой.

– Не совсем?

– Да, мистер Роджер Копонен, – машинально продолжил мужчина, и в том, как он произнес имя, Роджер уловил не только сарказм, но и смутную дрожь. – Вы боитесь того, о чем пишете?

– С чего бы мне бояться собственных книг?

– Реальная жизнь всегда страшнее вымысла, – заметил этот странный человек и снова сел. В комнате повисло неловкое молчание.

Десять минут спустя Роджер сел за длинный стол, покрытый белой скатертью, в вестибюле, гудевшем от болтовни. Первым в очереди за автографом был Паве Коскинен, кто же еще.

– Спасибо, Роджер. Спасибо. И извини за этого болвана. Ты прекрасно справился с ним. К сожалению, не у всех есть хорошие социальные навыки...

Роджер улыбнулся.

– Не беспокойся, Паве, такие есть в каждой толпе. Единственное, за что каждый из нас несет ответственность в этом мире, – наше собственное поведение, – ответил он и увидел, что Паве положил на стол все три книги трилогии. Нацарапав на титульном листе что-то якобы личное рядом со своим именем, он

бросил взгляд на очередь поклонников перед собой и молча отметил, что щуплого чудака нигде не видно. К счастью. Он вряд ли сможет дипломатично справиться с провокацией лицом к лицу.

– Спасибо, Роджер. Спасибо. Мы заказали столик в ресторане отеля на девять. Там готовят потрясающее жаркое из баранины, – с улыбкой сказал Паве, стоя перед Роджером и прижимая книги к груди, как нетерпеливая школьница. Роджер медленно кивнул, опустив взгляд на стол, будто заключенный, только что услышавший свой приговор. Паве нетрудно будет догадаться, что Роджер предпочел бы удалиться в свою комнату. Он давно стал презирать праздную болтовню и вынужденное распитие вина, которые, насколько можно судить, не оказывали никакого влияния на продажи его книг. С таким же успехом он мог бы грубо отказаться, навеки зарекомендовав себя асоциальным недоноском.

– Звучит здорово, – устало ответил Роджер, скривив лицо в почти правдоподобной улыбке. Паве Коскинен удовлетворенно кивнул, тоже показав в улыбке зубы, казавшиеся достаточно белыми благодаря новым коронкам. Кажется, он не был уверен в себе.

Затем он отступил в сторону, освободив дорогу извивающейся веренице читателей, прижимающих к груди книги.

3

Сержант Джессика Ниemi завязала свои черные волосы до плеч в «конский хвост» и натянула пару кожаных перчаток. Машина издала тихий звук, когда девушка открыла пассажирскую дверь до полной остановки двигателя.

– Спасибо, что подвез.

Человек за рулем зевнул.

– Наверное, будет лучше, если никто не узнает, кто был за рулем.

Они смотрели друг на друга так, словно вот-вот должен случиться поцелуй. Но ни один из них не решился на первый шаг.

Это было так чертовски неправильно.

Джессика вышла из машины и прищурилась, когда ледяной ветер бросился ей в лицо. Ночью выпал сильный снег, а снегоуборочные машины, грохочущие где-то у школы, еще не добрались до берега. Джессика захлопнула дверцу машины и увидела перед собой входную группу большого современного дома – скромный передний дворик, аккуратно подстриженная живая изгородь из туи, кованые ворота. На улице перед домом были припаркованы два полицейских фургона, и, судя по вою сирен вдалеке, к ним приближались еще несколько.

– Добрый день. – Из машины вышел мужчина в темно-синем полицейском комбинезоне и подошел к Джессике. – Офицер Койвуахо.

– Джессика Ниemi. – Она показала ему свой значок, но ее коллеги в форме уже узнали ее. Она краем уха услышала несколько своих прозвищ: Сержант Милашка, Лара Крофт, Красотка.

– Что здесь случилось? – спросила Джессика.

– Черт побери! – Койвуахо снял свою темно-синюю фуражку и потер лысину. Джессика терпеливо ждала, пока офицер возьмет себя в руки. Она бросила взгляд на дом и увидела, что входная дверь приоткрыта.

– Мы ответили на вызов в 10:15. Таскинен и я были довольно близко, так что мы приехали первыми из всех патрулей.

Койвуахо жестом пригласил Джессику пройти за ним через ворота. Она проследовала за ним, кивком приветствуя офицеров, ожидавших возле фургона.

– Что сказал диспетчер?

– Мы получили сообщение об угрозе самоубийства, – ответил Койвуахо, пока они поднимались на крыльцо. На каменном полу прихожей образовалась лужица от растаявшего снега. Ветер на секунду стих, и Койвуахо продолжил: – Дверь была

открыта, и мы вошли.

Только теперь, при ярком свете фонаря на крыльце, Джессика увидела всю глубину страха в глазах мужчины. Она сгибала и разгибала ноющие пальцы, позволяя разуму нарисовать картину происходящего, опираясь на то небольшое, что ей сообщили минуту назад по телефону.

– Значит, в доме больше никого нет? – спросила она, хотя знала, что ответ будет отрицательным. Койвуахо торжественно кивнул и снова надел шерстяную шапку, натянув ее до ушей.

– Мы проверили оба этажа. Должен признаться, мое сердце никогда не билось так сильно. К тому же там была эта чертова музыка.

– Музыка?

– Она была как-то неуместна в данной ситуации... Слишком спокойная, – с этими словами Койвуахо вручил Джессике их основное защитное снаряжение: перчатки, маску для лица и пару одноразовых бахил. Она наклонилась, чтобы надеть их поверх черных кроссовок. Кобура ее пистолета слегка скользнула вниз к полу.

– Где тело?

– Мы постарались оставить место преступления нетронутым, – сказал Койвуахо и кашлянул в кулак. Джессика убрала со лба прядь влажных волос и подошла к окнам, выходящим на море. Она прошла мимо дамской комнаты, кухни и вошла в гостиную, стены которой были полностью стеклянные. Огни полицейских машин, мигание которых было хорошо видно сквозь огромные стекла и шло в такт ее сердцебиению, придали мебели синий оттенок. Комната выглядела слишком похожей на аквариум, чтобы быть уютной, но когда Джессика увидела фигуру, сидящую во главе стола, она тут же перестала оценивать красоту комнаты. Она тут же остановилась, пытаясь понять, почему женщина, сидящая почти вертикально в своем кресле, выглядит так невероятно неестественно. Джессика сделала несколько шагов вперед, и ее желудок сжался.

– Ты когда-нибудь видела что-нибудь настолько жуткое? – голос Койвуахо раздался где-то позади Джессики, но она не услышала вопроса. Лицо мертвой

женщины было искажено в истерической усмешке. Даже глаза у нее смеялись. Выражение лица девушки совершенно не вязалось с тем фактом, что она недавно ушла из жизни. На ней было черное коктейльное платье с глубоким вырезом, скрещенные руки покоились на столе. Больше на столе ничего не было. Ни телефона, ни оружия. Ничего.

– Я проверил пульс. Больше ни к чему не прикасался, – заметил Койвуахо, и Джессика повернулась к нему. Затем она осторожно подошла к женщине и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть лицо, искаженное неестественной гримасой.

– Какого черта... – Джессика прошептала это так тихо, что ее могла бы услышать только сидящая девушка, если была бы еще жива. Детектив бросила взгляд вниз, мельком заметив, что босые ноги жертвы скрещены под стулом, а матово-черные уggi от Джимми Чу аккуратно стоят на полу рядом. Ногти на руках и ногах были выкрашены в глянцево-черный цвет.

– Койвуахо, – наконец отозвалась Джессика, вернувшись взглядом к вынужденной улыбке на лице женщины.

– Да?

– Вы сказали... Даже при том, что это не похоже ни на одно типичное самоубийство, это...

– Мерзость. – Койвуахо сглотнул слюну и сделал несколько шагов к столу. Струйка пота стекала по его виску за ухом, исчезая между толстой шеей и воротником комбинезона. Кажется, он старался не смотреть на мертвую женщину. Патрульный неуверенно продолжил: – Звонок в Службу спасения...

Джессика начала терять терпение.

– Да?

– Звонила не она. – Койвуахо замолк на несколько секунд, облизнув пересохшие губы. Джессика догадалась, что он собирался сказать дальше. Впрочем, даже несмотря на это, она вздрогнула, когда мужчина произнес: – Звонил кто-то

другой.

4

Роджер Копонен опрокинул в себя остатки кальвадоса, мягко покатав его во рту, не чувствуя и малейшего намека на вкус яблока или груши. Дешевое пойло. Впрочем, сам ужин оказался приятным сюрпризом, но поблагодарить за это следовало не организаторов, а Алису, тридцатилетнюю хозяйку местного книжного магазина. Молодую девушку, которая сумела извлечь выгоду из красивого лица и мелодичного смеха, поддерживая свою фигуру в отличном состоянии. Кроссфит. Она упомянула об этом ранее, когда рассказывала, как ее бывший парень забыл ключи от своей квартиры на третьем этаже, и они забрались внутрь, сложив садовую мебель, и... бла-бла-бла. Да какое ему дело? Роджер наблюдал за тем, как красиво вылетают слова из влажных губ, а не за деталями рассказа. Важным моментом в этой истории было то, что фигурировавший в этой истории парень либо по его желанию, либо по ее, а может, и по их обоюдному согласию заработал приставку «бывший».

Алиса смотрела на Роджера так, как смотрят на мужчин одинокие женщины в возрасте тридцати лет, пребывающие между вечной молодостью и растущим стремлением к размножению. Роджер наслаждался всеобщим вниманием. В молодости он никогда не был дамским угодником. Пожалуй, наоборот. Его общение с противоположным полом началось в раннем подростковом возрасте, и ему потребовались почти два десятилетия, чтобы исправить эти ошибки. В молодости Роджер был слишком странным и непонятным для своих ровесниц. Только достигнув сорока лет, он по-настоящему поверил в свою привлекательность и обаяние. Так что теперь он действительно мог поверить в то, что женщина, сидящая напротив него, строит глазки ему, а не похожему на Шайю ЛаБафа мужчине, который стоит позади него, наливая себе еще дрянного пойла.

Возраст принес Роджеру успех, деньги, уверенность в себе и прежде всего ту харизму, которую не в состоянии дать ни загар, ни накачанный пресс, ни густая шевелюра. Женщины хотят его. Подобно многим заядлым бабникам, он хорошо угадывал тот тип женщин, которых грех упустить. Мария в конце концов присоединилась к этому счастливому клубу. И Алиса, менеджер книжного

магазина, неизбежно будет в него включена.

– Я что, одна здесь еще не читала «Охоту на ведьм»? – со смехом спросила Алиса. Подпевалы, сидящие вокруг стола, начали выказывать свое шутливое неодобрение и присоединились к смеху. Алиса сделала глоток вина и бросила на Роджера игривый взгляд из-за своего бокала, примирительно пожимая плечами, как будто она только что запустила в него снежком.

Она флиртовала через провокацию, а Роджеру это казалось невероятно сексуальным. Он почувствовал нарастающую эрекцию и подумал о том, что ему следовало бы подняться из-за стола и найти мужской туалет. Алиса последует за ним, в этом нет никаких сомнений. Он мог бы слегка поразвлечься с этой маленькой хозяйкой книжного магазина, а после даже не смотреть на нее, лежащую рядом с ним на кровати в его небольшом гостиничном номере. Не нужно даже вспоминать что-то личное и глубокое для разговора, когда уже совсем не о чем говорить.

– Ты в меньшинстве, Алиса, – заметил стоящий рядом с ней Паве Коскинен, зачерпывая ложку растаявшего мороженого из своей креманки, и продолжил: – Такое чувство, что уже все прочитали эти книги. Даже те, кто никогда не читал детективных романов.

Роджер поставил стакан на стол, улыбнулся Паве, будучи уверенным, что его фальшивая улыбка не помогла скрыть отвращение. Старый пердун совсем потерял достоинство, используя подхалимство в попытке спасти репутацию звездного автора, в своем прискорбном отсутствии социальной проницательности, он не уловил в этом выпаде девушки брачного танца.

– Я пойду попудрю носик. – Алиса промокнула уголки рта салфеткой, будто бы следуя этикету, и встала. Она опередила его намерения. Роджер проводил ее взглядом, пока она обходила вокруг стола на высоких каблуках. Потом она на ходу незаметно задела его спину. Жест совершенно лишней, ее игра очевидна. Роджер на мгновение задержал взгляд на «динозаврах», сидящих вокруг стола, и заметил, что только Паве поднял свой неуверенный взгляд, провожая Алису. Кажется, и у тебя есть чувства, Паве. Роджер огладил ножку бокала с кальвадосом, обдумывая свой следующий шаг. Со времени последнего инцидента прошло уже больше полугода. С тех пор он бесчисленное количество раз обещал себе, что никогда больше не будет за кем-то волочиться тайком от Марии – по крайней мере, в таких ситуациях, когда риск быть пойманным

превышает искушение. Это был случай на грани. Желание, пылающее в глазах молодой женщины, делало ее особенно интригующей, и во время обеда стало ясно, что более глубокой связи она не ждала. «Вэм-бэм, спасибо, мэм». Пара минут – это все, что ему было нужно.[1 - Сленговое американское выражение, обозначающее быстрый сексуальный акт, не требующий продолжения отношений. – Здесь и далее прим. переводчика.]

Роджер отодвинул стул, испустив почти ощутимый возбужденный вздох, и встал. Он проверил время на телефоне и заметил три пропущенных вызова с неизвестного номера и сообщение в Ватсапе от Марии, пришедшее два часа назад.

Фонари во дворе все еще плохо работают!

Под ним два эмодзи: плачущий и сердитое оранжевое лицо.

Внутри у Роджера все сжалось. Однако то, что он страдал от угрызений совести за свое поведение, не делало его меньшим мудаком. Роджер внезапно понял, что с его стороны неправильным было связывать себя узами брака с Марией только потому, что он не хотел ни с кем ее делить. Он знал, что любой мужчина средних лет отдал бы почку за то, чтобы иметь возможность состариться рядом с такой женщиной, как Мария. И, несмотря на это, он сейчас идет за девушкой из книжного магазина.

Не беспокойся. Я займусь этим завтра.

Роджер выждал мгновение, чтобы посмотреть, прочитает ли Мария сообщение, но она этого не сделала, и ему пришлось вернуть телефон в карман.

– Прошу меня извинить, – сказал он, не потрудившись придумать других оправданий, и ушел. Только после того, как мужчина вышел из зала, до него донеслось постепенно нарастающее жужжание «мух», с которыми он ужинал. Они продолжали говорить о том, какой это был замечательный вечер и как они уверены, что Роджер тоже считал это событие успешным. Остальной ресторан был пуст, и Роджер пересек опустевшую столовую, направившись к туалетам. Он прошел мимо стойки администратора, кивнул дежурному агенту, который только что ответил на звонок, и заметил дверь в дамскую комнату. Она была оставлена слегка приоткрытой. Его сердце заколотилось все сильнее, и он

мысленно уже видел, как в мгновение ока задерет черно-белое платье до пояса, оттянет трусики в сторону и войдет в эту молодую женщину, зажав ей рот рукой, чтобы она не возбудила любопытства других гостей.

Но, едва потянувшись к дверной ручке, он услышал голос позади себя и замер, как подросток, который собирается улизнуть на вечеринку, но одернут сердитым голосом матери. Однако тон этого голоса был не возмущенным, а словно извиняющимся. Он принадлежал женщине из приемной.

5

Джессика Ниemi сменила свои черные кожаные перчатки на пару из тонкой эластичной резины. Пока она разглаживала их, в ее голове всплывали слова их начальника, Эрна: Перчатки защищают улики от следователя, но они также защищают и следователя от улик. В данном случае это казалось особенно уместным. Причину смерти женщины невозможно было установить при визуальном осмотре тела. Никаких внешних ран, следов удушения или других улик. Стол или, возможно, вся комната могли быть обработаны каким-то ядом, невидимым невооруженным глазом.

– Криминалисты здесь. – Голос принадлежал Юсуфу Пепплу, одному из старших детективов-констеблей из следственной группы. Джессика обернулась и увидела, как Юсуф кивнул на открытую входную дверь. Она не видела улицу, но слышала звуки работающего на холостом ходу двигателя и хлопок закрывшейся боковой двери фургона. Юсуф был на пару лет младше Джессики, атлетически сложенный мужчина с большими глазами, которые, несомненно, достались ему от предков из Эфиопии. Не то чтобы Юсуф когда-либо видел эту страну: он родился и вырос в Седеркулле, идиллическом местечке в спальном районе Хельсинки – Сипоо. У него были даже чересчур милые манеры симпатичного деревенского парня.

– С мужем уже связались? – спросила она, закрыв глаза. Ветер заставил большой дом застонать, он зазвучал так, будто пытался рассказать свою собственную историю о том, что произошло.

– С ним связалась полиция Савонлинны. Кто-то поехал в отель, где он остановился, пока мы...

Зазвонил мобильный телефон, прервав разговор Юсуфа. Джессика открыла глаза и оглядела комнату.

– Где звенит? – пробормотала она, наблюдая, как Юсуф подходит к дивану, стоящему в другом конце комнаты.

– Он здесь, рядом с пультом, провалился между подушками...

– Подожди! – бросила Джессика, невольно огрызаясь на Юсуфа. Она подошла поближе. Айфон на диване играл смутно знакомую мелодию, а на экране мелькнуло изображение мужчины. Роузер <3.

– Роузер?

– Роджер. Роджер Копонен, – произнесла Джессика, склонившись над телефоном.

– Он выглядит очень знакомо...

– Полагаю, ты не очень-то любишь читать? – коротко спросила Джессика, опустив взгляд в пол.

Юсуф около минуты изучал улыбающегося мужчину средних лет на экране, прежде чем осознание озарило его лицо. Джессика стянула маску, сняла правую перчатку и ответила, смахнув кнопку вызова костяшкой указательного пальца. Затем она включила динамик.

– Алло?

После короткого молчания раздался твердый, но испуганный голос:

– Мария?

– Роджер Копонен? – спросила Джессика, приблизив лицо к экрану.

– Кто это?

– Это сержант Джессика Ниemi, полиция Хельсинки, – ответила Джессика и на несколько секунд замолчала.

Человек на другом конце провода ничего не говорил, но по неуверенности в его голосе Джессика поняла, что плохие новости уже дошли до него.

– Мне очень жаль.

– Но... Что случилось? – голос Роджера Копонена не звучал надломленно, но он будто искал нужную интонацию.

– Мне очень жаль. Будет лучше, если вы вернетесь домой. – Джессика почувствовала, как ее горло сжалось от сочувствия. За всю ее карьеру ей нечасто приходилось вести подобные беседы, ответственность за информирование близких ложилась на ее плечи лишь в паре случаев. Не то чтобы это имело значение: коллеги уверяли, что с каждым разом задача не становится легче. Как сказать человеку слова, которые он боится услышать больше всего на свете?

На мгновение Джессика задумалась, как и от кого она услышала их в первый раз. Может быть, это был один из врачей «Скорой помощи»? Или ее тетя Тина?

Джессика сглотнула, чтобы прочистить пересохшее горло, и уже была готова заговорить снова, когда все оборвалось, Копонен закончил разговор. Ветер неожиданно перестал завывать, и на мгновение они с Юсуфом отчетливо услышали разговор следователей снаружи дома.

– Вы сказали, что ее муж сейчас в Савонлинне? – переспросила Джессика, не поднимая глаз. Экран телефона стал черным. Джессика попыталась снова включить его, но телефон запросил ПИН-код. Теперь устройство превратилось в бесполезный кусок черного металла.

– Именно так мне и сказали.

– Черт побери, – снова пробормотала Джессика, заставляя коллегу наострить уши. Ну и случай. Жена главного финского поставщика мировых бестселлеров, автора триллеров, Роджера Копонена, умерла при обстоятельствах, которые по меньшей мере, подозрительны. Муж так удобно находился на другом конце страны, что исключает статистически наиболее вероятный сценарий. И тут же прямо перед ними появляется телефон, с которого человек, убивший Марию Копонен, по всей вероятности, недавно звонил по номеру экстренной помощи, прежде чем уйти в холодную, ветреную ночь. Тот, кто это сделал, должен быть неподалеку. Но тут Джессика поняла, что поторопилась с выводами.

– С этого номера звонили в Службу спасения? – спросила она, испытывая непреодолимое желание заглянуть через спинку дивана туда, где истерически улыбалась Мария Копонен. По крайней мере, так это выглядело бы на фотографии – взрыв наигранного веселья. Но это не фотография. Все остальное в комнате живет этим моментом: синие огни, ветер, Юсуф и раскачивающиеся снаружи голые деревья. Но Мария Копонен мертва.

– Не знаю, – ответил Юсуф, расстегивая куртку. В открытую дверь ворвался холодный, морозный воздух, но в комнате все еще было жарко.

– Не мог бы ты позвонить и узнать? Сейчас.

Пока Джессика говорила, три фигуры в белых комбинезонах медленно вползли в гостиную, словно стараясь не разбудить принцессу, сидящую за столом, от ее вечного сна. Джессика наблюдала, как криминалисты делали свое дело так буднично, что с таким же успехом они могли бы заниматься какой-нибудь рутинной работой, например, опустошать посудомоечную машину. Конечно, эти завернутые в защитный костюм человеческие фигуры видели всякое, их сложно удивить. Несмотря на это, Джессика не могла не заметить, как каждый из них по очереди останавливался, чтобы посмотреть на труп и на ее некогда красивое лицо, теперь больше напоминающее гримасу Джокера в исполнении Джека Николсона.

– Для начала все, – пробормотал один из криминалистов из-под капюшона и маски. Он только что спустился со второго этажа и стоял перед Джессикой, оглядывая комнату так, будто ему больше нечем заняться. Трое других его коллег работали над телом. Джессика посмотрела на криминалиста, прищуриив глаза, показывая, что не понимает, что он имеет в виду. Она на сто процентов была уверена в компетентности этих людей, за всю карьеру ей ни разу не

приходилось вмешиваться в их работу на месте преступления.

– Что? – спросила она, но специалист уже отвернулся, а затем и вовсе исчез в коридоре.

Джессика прошла мимо стола и направилась к книжной полке, заваленной пластинками. Она проследовала мимо длинного ряда пластинок, позволив своим обтянутым резиной пальцам танцевать по тонким корешкам обложек альбомов. Десятки и десятки пластинок – пара, должно быть, действительно любит аналоговую музыку. Книжная полка автора, полная музыки. Джессика остановилась перед проигрывателем и заметила, что он совершенно новый, предположительно подключен к беспроводной звуковой системе дома. Игла поднялась с поверхности, пластинка из поливинилхлорида неподвижно покоилась на слишком большой подложке. Семидюймовая пластинка. Сингл. Обложка лежала на деревянном столике рядом с проигрывателем: черно-белое фотоизображение Джона Леннона в круглых солнцезащитных очках. Imagine. Сингл впервые выпущен в Великобритании. Джессика взяла обложку и перевернула ее. Две стороны. Две песни, по одной с каждой стороны. Imagine. Джессика почувствовала, как холодная волна пробежала по ее телу, когда она вспомнила, что сказал ей Койвуахо, когда она только зашла сюда. Эта чертова музыка. Если песня все еще играла, когда прибыл патруль, кто-то, должно быть, опустил иглу на пластинку как раз перед тем, как полиция вошла в дом.

Джессика уронила обложку на столик и просунула руку под низ пальто, прежде чем успела осознать истинный смысл своего озарения. Она обхватила рукой полимерную рукоятку своего «Глока» и повернулась, чтобы посмотреть на белых ангелов, ухаживающих за телом. Их всего трое. Все это время их было только трое, и никто из них наверх не поднимался.

6

Джессика быстро шла по короткому коридору к входной двери. На ходу расстегнула кобуру и слегка наклонила пистолет к телу, освобождая запирающий механизм. Она чувствовала пульсацию в висках, ритмичное, усиливающееся сердцебиение заставляло ее ощущать себя невероятно живой, тело работало на автомате. Подойдя к двери, Джессика увидела трех

полицейских в форме, два полицейских фургона, фургон криминалистов и только что подъехавший катафалк. «Скорая», вызванная без всякой цели, уезжала. Мигающие синие и красные огни служебных машин доминировали в цветовой гамме ночной идиллии: они рисовали штрихи на соседних участках и зданиях, где во все большем количестве окон стали загораться лампы: следы возрастающего любопытства местных. Офицеры заметили настороженное состояние Джессики еще до того, как она успела открыть рот.

- Все хоро...

- Куда он пошел? - рявкнула Джессика.

- Кто пошел?

- Криминалист!

- А, он... - произнес один из полицейских, указывая большим пальцем на улицу, сбегающую вниз по склону. - Он направился...

- Побежал?

- Пошел.

- Один из вас сейчас же идет со мной! - приказала Джессика, сделав несколько шагов назад по дороге, освещенной раскачивающимися на ветру уличными фонарями.

- Это он...

- А ты позвони в диспетчерскую и скажи, что убийца только что скрылся с места преступления пешком. Нам нужно больше людей и быстро! - выразительно произнесла Джессика, вытаскивая пистолет из кобуры. Этот драматический жест заставил бородатого офицера вздрогнуть, как будто именно это и было то необходимое движение, способное убедить его в том, что Джессика совершенно серьезна.

Они спустились вниз по заснеженной улице, глубокие следы шин выглядели так, будто они могут выдержать трамвай. На тротуаре отчетливо была видна густая линия свежих следов. Человек в белом комбинезоне действительно ушел: следы бегущего человека отстояли бы дальше друг от друга. Они могут догнать его, если он не ожидает преследования. Тем не менее за те несколько секунд, потребовавшихся им, чтобы добраться до угла, куда и вели следы, в голове Джессики поселилось смятение. Убийца знал, что за ним будет погоня. Именно этого он и добивался: сначала он подошел к Джессике и заговорил, хотя мог просто выйти из дома так, что никто ничего бы и не заметил. Если бы она только поняла во время встречи, что он не криминалист... Джессика чувствовала, как мурашки бежали по ее коже. Она видела того подонка, который убил Марию Копонен, смотрела ему в глаза. А теперь этот мудак где-то здесь, на свободе и торжествует.

– Он не мог уйти далеко, – сказал офицер. Джессика сжала пистолет обеими руками, когда они приблизились к перекрестку. Полный обзор на перекресток преграждала высокая, покрытая снежной коркой еловая изгородь. Она замедлила шаг и бросила взгляд на офицера рядом с собой, чьи движения были зеркальным отражением ее собственных. Затем выглянула из-за изгороди и увидела пустую улицу, по обеим сторонам которой были припаркованы машины.

– Ублюдок, – пробормотала Джессика, оглядываясь в поисках следов, но там не было и намека на них. Дорога была недавно пропахана снегоочистителем, и, пройдя по ее середине, беглец смог продолжить свой путь, не оставив никаких различимых следов. Джессика слышала сирены приближающихся патрулей. Откуда-то издали слабо доносились лязг и рычание снегоочистительной машины.

– Он может прятаться за машинами. Или под ними, – уверенно зашептал офицер и спокойно направился к ближайшим припаркованным автомобилям.

Джессика ответила ровным тоном:

– Он сделал бы это только в том случае, если бы ему пришлось срочно прятаться.

– А разве нет?

Джессика не ответила. Она тихо проклинала те долгие секунды, которые потребовались ей для осознания того, что убийца только что покинул оцепленное полицией место преступления на своих двоих.

– Может быть, у него здесь была припаркована машина, – предположил офицер. Идея неплохая. Но на вскидку на улице не было ни талого снега на парковочных местах, ни следов шин, вливающих в полосу движения.

– Как вас зовут? – спросила Джессика, когда они осторожно продвигались вперед мимо машин.

– Халлвик. Лассе Халлвик.

– Ладно, Лассе. Проверьте машины. Будьте начеку. Подкрепление уже в пути, – отдала указания Джессика и побежала по длинной, ярко освещенной дороге.

– Вы ведь не пойдете за ним одна, правда?

Джессика не ответила, вместо этого она достала телефон и поднесла его к уху, все еще держа пистолет в другой руке. Она побежала по середине улицы между машин, полностью уверенная в том, что Халлвик прикрывает ее. По крайней мере, на этом участке дороги.

– Алло? – тревожный голос принадлежал Эрну Миксону, который всего полчаса назад был назначен ведущим следователем по этому делу.

– Я не уверена, дошло ли сообщение до центра, но мы должны закрыть перекрестки, ведущие к мостам Кулосаари. Быстро, – Джессика слышала напряжение в собственном голосе.

– Что там происходит?

– Я иду по следу убийцы...

– Кто с вами?

– Никого.

- Джессика!

- Он прошел этим путем всего минуту назад... Я должна посмотреть, если... черт, подожди...

Сунув телефон в карман пальто, Джессика снова обхватила «Глок» обеими руками. На секунду ей показалось, что она видит человека, лежащего на земле. Но белый комбинезон, дрожащий на ветру, был пуст, как надувной «мишленовский человек», которого пронзили кинжалом. Одна нога трепетала на ветру, как бы указывая направление, в котором ее владелец, по всей вероятности, продолжил свой путь. Джессика оглянулась и увидела Халлвика, притаившегося между машинами в сотне метров от нее. Она засунула пальцы в рот и засвистела, чтобы привлечь его внимание.

- Лассе! Убедитесь, что никто не тронет этого! - Сначала Джессика не была уверена, услышал ли он ее крик из-за встречного ветра, но он встал и поспешил к ней. Джессика продолжила идти по дороге, обдумывая свой следующий шаг, когда она обратила внимание, что сирены становятся все громче. Какой-то неосознанный инстинкт подсказал ей остановиться и осознать печальную правду. Они его не поймут. Только не сегодня. Она глубоко вздохнула и почувствовала боль в легких. Затем она снова засунула руку в карман пальто.

- Эрн?

- Черт побери, Джессика! Я уже начал думать...

- Эрн, я облажалась. - Она слышала голос своего босса, но разум ее уже запрыгнул на крутящуюся карусель, не давая новым мыслям запрыгнуть в середине поездки. Человек, сотворивший безумную улыбку на безжизненном лице Марии Копонен, возможно, наблюдал за ними сейчас из темноты. Его нигде не видно. И все же он есть.

Старший инспектор Эрн Миксон уже больше двух недель страдал ужасным гриппом, но даже при этом характерный запах салона его машины – в котором сплетались ароматы марципана, потертой кожи и сожженного сцепления – проникал в его ноздри. Эрн услышал звуковой сигнал и вытащил из-под мышки цифровой термометр... 37,4. На 0,3 градуса выше, чем было, когда он сел в машину в Пасиле. Эрн посмотрел на часы, поискал в кармане записную книжку и записал показания на свободном месте. Толстая тетрадь служила ему долгие годы, и теперь она была на последнем издыхании.

Эрн вздрогнул, когда пассажирская дверь его старой машины открылась. К нему села черноволосая тридцатитрехлетняя женщина, угловатость ее красивых черт была подчеркнута каменным выражением лица и тусклым освещением. Какое-то мгновение они смотрели прямо перед собой, где в сотне метров от дома стояла дюжина машин. Полицейский фургон, стоявший рядом, был припаркован поперек улицы, а надпись подчеркнута бело-голубой лентой оцепления полиции Хельсинки.

– Цирк прибыл в Кулосаари, – наконец проговорил Эрн, засовывая блокнот обратно в нагрудный карман. Он вынул из фольги кусочек никотиновой жвачки и положил в рот. Успокаивающее действие сигареты, которую он выкурил десять минут назад, уже рассеялось. Кроме того, сейчас самое время сократить расходы. Или даже уволиться. Поможет это или нет, он узнает, когда позвонит врач, чтобы сообщить о результатах биопсии.

– Ты не пойдешь в дом? – тихо спросила Джессика, откинув голову на подголовник.

– Нет. Не думаю, что стоит. – Глаза Эрна казались заспанными. Он немного приоткрыл окно. – Мужчина, лет сорока, среднего телосложения, относительно широкоплечий, рост около ста восьмидесяти сантиметров, глаза голубые... легко одет, учитывая погоду?

– Не думаю, что массивное пальто уместилось бы под комбинезоном.

– У нас есть шестеро парней, которые подходят под описание, но все они одеты в пальто. Один с улицы, три из паба в торговом центре. И еще два с автобусной остановки на скоростной автостраде. Мы установили радиус для задержания потенциальных подозреваемых, исходя из того, как далеко он мог убежать. Еще

пять минут, и нам пришлось бы гнать его до набережной Херттониemi. А это означает, что у нас закончились бы ресурсы.

После небольшой паузы Эрн повернулся к Джессике и продолжил:

- Джессика, ты все сделала именно так, как должна была.

Слова босса вызвали у Джессики только недовольное ворчание, утешения они не принесли. Эрн разговаривал с ней как футбольный тренер с ребенком, которого он вытащил из игры после первого тайма. Его сочувственный тон не менял того факта, что на поле все пошло не так, как было задумано.

- Скажи мне, Эрн, - Джессика громко сглотнула, прежде чем продолжить, - как долго ты работаешь в отделе? И сколько раз за эту тысячу лет следователь разговаривал с убийцей на месте преступления, а потом отпускал его?

- Можешь смотреть на это и с такой стороны, если хочешь помучить себя.

- А с какой, черт побери, стороны я должна на это смотреть?

- Ну, например, с той, что он мог бы вытащить пистолет и застрелить вас всех, если бы вы начали что-то подозревать. Никто не успел бы среагировать. - Эрн выключил радио. По выражению лица Джессики он увидел, что в его словах есть зерно истины. Они думали, что находятся в безопасности, и он мог легко причинить вред любому, кто был в доме. Не только Марии Копонен.

- Шестеро подозреваемых? - наконец спросила Джессика, расстегивая пальто.

- Волокна из комбинезона сравнят с их ДНК.

- Что насчет маски?

- Ее мы не нашли. Наверное, она где-нибудь в мусорном баке. Или у преступника

- Это не имеет смысла, - тихо проговорила Джессика.

- Потому что он оставил комбинезон на улице?

- Да.

- Послушай, Джесси... - прохрипел Эрн, обрывая ее бессмысленные размышления. Он сосредоточил свой взгляд на входящем в ворота двора через улицу мужчине, которого Юсуф жестом попросил держаться подальше. Любопытные соседи почуяли запах падали. - Как думаешь, ты узнаешь его голос?

Выйдя из машины, один из следователей начал брать показания у соседа, одетого в парку, пижамные штаны и низкие сапоги.

- Конечно. Но держу пари, что ни один из них не преступник.

- Пессимист никогда не бывает разочарован. - Эрн потянулся на заднее сиденье за своей кожаной сумкой и достал планшет. Секунду спустя он протянул его Джессике. - Шесть видео. Одно и то же предложение шесть раз. Для начала все.

Джессика смотрела записи, прислушиваясь к голосам, и пристально смотрела в глаза каждому подозреваемому, отчаянно веря, что узнает преступника. Мерзавца, который всего сорок пять минут назад стоял перед ней напротив полки с пластинками Марии и Роджера Копоненов. Двое мужчин в линейке видео явно находились в состоянии алкогольного опьянения, что подтверждалось результатами алкотестера, записанными в комментариях внизу экрана. Один из них был невероятно - если не подозрительно - расслаблен, остальные трое казались раздраженными. И Джессика не могла их винить: кто бы не разозлился, стоя в ярком свете фонарей и повторяя фразу, которую им навязали копы, да еще и не имея ни малейшего представления о том, что происходит. У кого-то есть нечто большее, чем просто предчувствие. Но, как и предполагала Джессика, ни один из мужчин с видео не был убийцей.

- Нет, - сказала она, вернув планшет Эрну.

- Ты уверена? - спросил Эрн, прекрасно понимая, что вопрос останется без ответа. После минутного молчания он провел рукой по своим густым седым волосам и кашлянул, чтобы говорить чисто. Однако хрипы, доносящиеся из глубины его горла, не исчезли вместе с кашлем.

– Смотри. Расмус собрал всю информацию о Марии Копонен, – заметил Эрн, протягивая Джессике распечатку. Биографические данные погибшей женщины, все основные сведения о ее прерванной жизни. Джессика взяла лист бумаги и начала просматривать его, строчку за строчкой.

– Возраст: тридцать семь лет... Образование: кандидат фармацевтических наук... Профессия: вице-президент, разработка продуктов, Neurofarm Inc...

– Не знаю, есть ли здесь что-нибудь полезное.

– Это еще предстоит выяснить, – сказала Джессика, складывая листок и пряча его в карман. Дорогу перебежал белый заяц. Может, ей и его допросить?

– Я должен отправиться в Пасилу, чтобы подготовить пресс-релиз, – продолжил Эрн.[2 - Пасила – район Хельсинки.]

– Счастливчик.

– Обстоятельства дела довольно необычны. Мы должны предупредить людей.

– Как же? Не открывайте дверь криминалистам? – проворчала Джессика, поглаживая костяшки пальцев. Эрн издал безрадостный смешок. Черный юмор – это часть работы, и Джессика – мастер доводить его до крайности. Они долго пытались собраться с мыслями.

– Нам нужно расширить расследование. А потом еще и допросят Роджера Копонена, – наконец проговорил Эрн, поднимая стекло. – Я со всем этим разберусь. Теперь твоя задача – выяснить, что, черт возьми, произошло в том доме. Похоже, с соседями уже разговаривают. Может быть, кто-то из них что-нибудь видел.

– Хорошо. – Джессика открыла пассажирскую дверь. – Постарайтесь обойтись без сердечного приступа, сир Давос.

– Если кто-нибудь и доведет меня, так это ты, Арья.

Роджер Копонен сидел за столом, обхватив пальцами пустой стакан, и смотрел на лоб женщины, сидящей напротив него. Соцработница, которая только что вышла, сообщила ему, что будет ждать в соседней комнате, если Роджер захочет обсудить случившееся. Старший инспектор полиции Савонлинны Санна Поркка взяла в руки стеклянный кувшин и налила ему еще воды. Поркка – сорокадвухлетняя одинокая женщина. Она всю жизнь прожила в этом городе Восточной Финляндии, все ее существование вращалось вокруг полицейской работы, охоты, спортивного ориентирования и трех старых финских охотничьих собак.

– Наверное, мне пора вернуться в Хельсинки, – предположил Роджер, не сводя остекленевших глаз с того места, где потолок сливался со стеной.

– Я понимаю ваше желание, – сказала Санна, спокойно откидываясь на спинку стула. – Но сначала нам нужно, чтобы вы подули в алкотестер. Предполагаю, что вы выпили немного алкоголя за ужином...

В голосе Копонена послышалось удивление:

– Вы что, черт побери, издеваетесь?

– Вообще-то мы бы предпочли, чтобы вы провели ночь в Савонлинне, как и планировали.

– Но почему?

– Новость, которую вы только что услышали, стала бы огромным ударом для любого. Вам предстоит долгая поездка в паршивую погоду, да и сегодня вечером в Хельсинки вы ничем не сможете помочь.

– Верно. Полагаю, для этого уже поздно, – голос Роджера был едва ли громче шепота.

Он слабо улыбнулся, но только одними губами. Остальное его лицо выражало боль. Санна знала, что члены семьи часто ведут себя странно и беспорядочно из-за шока, редко можно вывести что-нибудь полезное из их реакций. Но остекленевшие, неподвижные глаза, бледная кожа и учащенное дыхание указывают на подлинное страдание.

– Его поймали? – спросил Роджер уже более решительно, поднося дрожащими руками стакан с водой к губам. Санна бросила быстрый взгляд на свои записи, чтобы проверить, как много было сказано мужу жертвы. Очевидно, Роджеру Копонену сообщили, что его жена умерла в их доме в Хельсинкском районе Кулосаари и что у полиции есть все основания подозревать, что это было убийство. Затем ее мысли снова сосредоточились на вопросе Копонена.

– Простите, но у вас есть какие-то основания предполагать, что преступник – мужчина? – спросила она, изо всех сил стараясь избежать тона перекрестного допроса. На данный момент у полиции нет оснований предполагать, что Роджер Копонен имел какое-либо отношение к смерти своей жены, но полностью исключить такую возможность станет значительно труднее, если во время допроса будут допущены ошибки. Правда в том, что Поркка не имеет никакого отношения к расследованию, ее единственная задача – следить за знаменитым автором, который только что потерял свою жену. Однако искушение задать ему несколько основных вопросов слишком велико.

– Даже не знаю. Разве это не очень вероятно? – медленно произнес Копонен, опуская стакан на стол. Его глаза немного оживились, как будто он гордился своей наблюдательностью. Санна поджала губы и кивнула. Он прав, если рассматривать этот вопрос со статистической точки зрения. В Финляндии в девяти случаях из десяти убийца – это мужчина. А в тех случаях, когда преступник и жертва не знакомы друг с другом, данное соотношение еще выше.

– Наша единственная задача сейчас – поймать преступника. А полиция в Хельсинки считает, что больше всего вы поможете нам именно за этим компьютером, здесь, в Савонлинне, где мы сделаем все возможное, чтобы вам было удобно. Не в своей машине, будучи уставшим, в состоянии шока, где вы будете представлять угрозу для себя и, возможно, других автомобилистов.

Санна снова поджала губы, надеясь, что она излучает достаточно сочувствия. Затем набрала пароль от ноутбука. Копонен нахмурился:

– Как я могу быть полезен за компьютером?

– Главный следователь в Хельсинки, старший инспектор Эрн Миксон, хотел бы поговорить с вами. Мы проведем видеозвонок, – спокойно произнесла Санна, складывая руки на столе. Роджер Копонен несколько раз моргнул, как будто это предложение было совершенно абсурдным. Тем не менее язык его тела не говорил о прямой конфронтации.

– Видеозвонок? – пробормотал Роджер, похоже, яростно обдумывая эту идею.

– Как я уже сказала, наша единственная цель – это...

– Вы сказали – задача.

– Прошу прощения?

– Секунду назад вы сказали, что ваша единственная задача – поймать убийцу моей жены.

Копонен поскреб ногтем бровь, чешуйка омертвевшей кожи упала на стол и легла рядом со стаканом.

– Верно, вы правы, так я и сделала.

Санна попыталась понимающе улыбнуться. Она раздумывала, не дать ли ему немного времени побыть одному, чтобы прийти в себя. Впрочем, времени-то у нее и не было. Всего полчаса назад она получила сообщение, что подозреваемый все еще на свободе. Минутная стрелка на квадратных настенных часах пульсировала на двенадцати.

– Извините, я на минутку, – сказала Санна. Через несколько секунд Копонен одобрительно кивнул.

Санна закрыла за собой дверь и жестом приказала дежурному офицеру не спускать с нее глаз. Она бросила взгляд на молодого соцработника, стоящего у оглушительно жужжащей кофеварки, и направилась в свой кабинет.

– Он готов? – спросил по телефону усталый голос Эрн Миксона. На заднем плане гудел автомобильный двигатель.

– Он очень потрясен, – ответила Санна, подходя к окну.

– Я знаю. Мы должны поговорить с ним.

Голые березы, глядящие из темноты, махали тонкими ветвями, как будто хотели согреться изнутри.

– Конечно, мы предпочли бы сделать это лицом к лицу, – заметил Эрн, и Санна услышала шорох фольги. Последовала пауза, пока челюсти на другом конце линии сосредоточились на жевательной резинке. Наконец хриплый голос продолжил:

– Почему-то кажется немного неуважительным разговаривать через экран с человеком, который только что потерял свою жену, но... Мы должны получить как можно больше информации прямо сейчас.

– Поняла.

Строгий подбор слов заставлял Санну чувствовать себя неуверенным подростком, который понимает язык взрослых, но не знает, как на нем говорить.

– Через пятнадцать минут я буду в сети. А пока позаботься о нем как следует.

– Извините, но есть одна вещь... – вмешалась Санна, прежде чем ее коллега из Хельсинки прервал разговор.

– Да?

– Копонен... Он говорит, что очень хочет увидеть свою жену. Может быть, фотографии с места преступления...

– Конечно, – проговорил Эрн после недолгого молчания. Гудение автомобильного двигателя прекратилось, и Санне показалось, что она услышала звук плевка. Потом хлопнула дверца машины, щелкнула зажигалка, и Эрн сделал глубокий

вдох, втягивая дым в легкие.

– Конечно, черт побери, он хочет. Но поверь мне, когда я все тебе расскажу, ты захочешь удержать его на некоторое время.

9

Джессика натянула новый комплект защитной обуви, белый комбинезон, перчатки и маску. Внезапно оказавшись в доме, она чувствовала себя небезопасно, хотя после того инцидента он был проверен более чем тщательно. Она снова вошла в гостиную, заметила, что криминалисты продолжили сбор улик и отошли от стола. Мария Копонен по-прежнему неподвижно сидела на своем месте с той же безумной ухмылкой на лице. Похоже, хозяйка – единственная, кто не получил записку об убийстве.

В обычных обстоятельствах тело уже было бы упаковано в пакет и убрано с места преступления, но, очевидно, в воздухе все еще витает слишком много вопросов – тех, на которые невозможно было бы найти ответы, перемести они безжизненное тело женщины.

– У нас есть хоть малейшее представление о том, что здесь произошло? – спросила Джессика. Она помахала рукой специалисту, ответственному за место преступления, на этот раз точно зная, что он является частью следственной группы. Переодетый убийца довел ее до крайности.

Криминалист – симпатичный парень по имени Харью – ободряюще посмотрел на Джессику своими карими глазами. Он вздохнул и снял маску.

– Самую малость.

– Значит, в основном ничего?

– Единственное, что мы знаем наверняка, это что взлома не было. Преступник вошел в гостиную через раздвижную дверь, затем закрыл ее за собой. Она не была заперта. На самом деле она и сейчас незаперта.

- Она не была заперта... - пробормотала Джессика.

- Или же жертва и преступник знали друг друга и жертва позволила...
Преступник был в белом комбинезоне и с собой...

Джессика прошла мимо Харью и продолжила:

- Что бы он ни использовал для создания этой картины здесь...

- Ее лицо твердое, как камень.

- Что?

- Как будто его искусственно «заперли» в таком положении. Трудно объяснить...

- Ей что-то вкололи в лицо? - Джессика прищурилась и заметила, что голова жертвы слегка наклонена. Должно быть, так было все это время.

- Это мое предположение. Но мы не узнаем наверняка, пока не проведем вскрытие.

- Дай мне знать сразу же, если наткнешься на что-нибудь необычное.

- Разумеется.

- Спасибо.

Джессика снова повернулась к холлу. Парадная дверь все еще была открыта и впускала поток света и звуков. В доме было адски холодно. Белые картины с минималистичными мазками кисти, висящие на белых стенах, также не излучали никакого тепла, как раз наоборот - они подчеркивали морозную атмосферу. Джессика прошла мимо стеллажа с пластинками в холл и в первый раз заглянула на просторную кухню. Невероятно длинная столешница из цельного куска мрамора проходила между черными шкафами и ящиками. Джессика провела рукой в резиновой перчатке по холодному камню. Все безупречно, блестит. Фирма Poggenpohl. Основа из мрамора, дорогого дерева, бытовой

техники и оборудования, служащая сердцем этого дома, стоит вдвое больше средней годовой зарплаты полицейского. Джессика знала это, потому что кухня в ее квартире была почти такой же. Это ее страсть и одна из десятков причин, по которым она никогда не могла пригласить своих коллег домой. Туда, где она действительно живет.

Джессика позволила своему взгляду скользнуть от выходящих на запад окон мимо камина к книжной полке, на которой хранилась огромная коллекция историй и идей, спрятанных под обложками. На первый взгляд ей показалось, что литературный вкус владельца несколько односторонний. Одно и то же имя повторялось на корешке каждого тома. Книги отличались друг от друга по размеру и цвету, но все они были написаны одним и тем же человеком. Роджером Копоненом. При ближайшем рассмотрении Джессика поняла, что количество книг не связано с плодовитостью автора. Большинство из них оказались переводами. Охота на ведьм, H?xjakt, Hexenjagd, Caccia alle streghe. Джессика знала, что триллеры Копонена нашли международное признание. Вот что сделало возможным для Копоненов все это: роскошный дом на набережной и современные удобства, включая кухню, которая стоит столько же, сколько хороший немецкий седан. Джессика почувствовала острую боль в висках, которая как будто напоминала ей, что ее работа – размышлять не о том, что составляло совместную жизнь пары, а о том, что недавно ее оборвало.

Из холодильника раздался щелчок, когда компрессор автоматически включился, и низкий гул заполнил кухню. Джессика взяла книгу на английском языке, лежавшую на уровне глаз, и принялась изучать обложку. На ней была изображена женщина в черном, привязанная к столбу. Выше выгибались слова, написанные готическим шрифтом. Казалось, что обложка похожа на плакат хэви-метал-группы. Джессика перевернула книгу. Более 2 миллионов экземпляров продано по всему миру. Она вспомнила финское издание в мягкой обложке, лежащее на ее комоде. Подруга подарила ей книгу много лет назад, но она так и осталась непрочитанной из-за нехватки времени и свойственной Джессике лени, а также из-за ее своего рода предубеждения против художественной литературы, укоренившейся идеи о том, что, читая, вы всегда должны узнавать что-то новое и полезное, что истории, возникающие из чьего-то воображения, являются пустой тратой времени в этом беспокойном мире.

Кончики пальцев Джессики вспотели в резиновых перчатках. Серийный убийца... Охотится на ведьм. Джессика не совсем понимала, почему она застряла на аннотации. Мгновение спустя она перевернула книгу и снова посмотрела на

рисунок на обложке. Потом книга с шумом упала на пол. Джессика не бросила ее нарочно, та выскользнула из ее рук, когда она начала просматривать другие издания. Японское, польское, что-то на кириллице. Похоже, что хотя все издатели выбрали для своей книги разное оформление, но почти каждый из них изобразил на первой странице страдающую ведьму. Исключение составляли лишь немногие с почти одинаковыми зимними морскими пейзажами Финского залива. Замерзшая белизна. Скандинавский нуар.

Но на большинстве книг все же привлекали внимание ведьмы, которых сжигают на костре. Огонь. Молодые женщины, одетые в черное, корчились в предсмертных муках. На обложке немецкого издания Нехенjagd был изображен какой-то пыточный столб, к которому жертву привязывали за запястья и лодыжки. В том же самом наряде. Джессика пристальнее всмотрелась в женщину на обложке Нехенjagd и вдруг поняла – то, что она мгновением раньше истолковала как предсмертные муки, было самой чудовищной ухмылкой, какую только можно себе представить. В этой улыбке светилось какое-то безумие, притворное самодовольство. Джессика почувствовала, как в ушах застучало.

Эрн взял трубку. Девушка не сразу поняла, что за эти несколько секунд она инстинктивно набрала номер своего босса.

– Джессика? Криминалисты...

Джессика слышала свое прерывистое дыхание, когда перебивала его:

– Ты читал книги Копонена?

– Боюсь, нет.

– Черт побери, Эрн. А убийца, похоже, читал.

Роджер Копонен стоял у окна и смотрел в темноту. Жалюзи были наполовину закрыты, но Роджер не потрудился открыть их с помощью длинной палочки,

прислоненной к оконной раме.

– Ладно, пора, – сказала старший инспектор Санна Поркка, наливая Роджеру стакан газированной воды. Напиток был комнатной температуры: какой-то идиот оставил ящик с бутылками в комнате отдыха на полу, вместо того чтобы поставить их охлаждаться в холодильник. Глаза Роджера по-прежнему были прикованы к окну.

– Извините, но сейчас на линии главный следователь, – повторила она, и Роджер лениво оглянулся.

– Тогда, думаю, нам следует начать, – произнес он, прежде чем снова посмотреть на заснеженные верхушки деревьев. Он стоял, заложив руки за спину, устремив взгляд в пустоту, где его травмированный разум, возможно, пытался увидеть смысл, скрывающийся за уколом боли. Его поза напомнила Санне позу диктатора, который сидит в своем секретном бункере и обдумывает следующий шаг. Мгновение спустя Роджер повернулся и медленно пошел к столу, сломанный и задумчивый, с таким видом, словно только что решил нажать красную кнопку и запустить ядерное оружие. Затем он повторил: «Главный следователь?» Впервые в его голосе послышалась нотка раздражения. Удерживать этого парня здесь с каждым часом становилось все труднее.

– Да. Его зовут Эрн Миксон, – ответила Санна и начала видеозвонок несколькими щелчками мыши. Очевидно, это имя покорило Роджера, потому что он скептически нахмурился. Роджер также распознал эстонский акцент Миксона, который смутно напомнил ему о круизах в Таллин и объявлениях о беспошлинной продаже лодок. Поркка повернула ноутбук к Роджеру и встала со стула, чтобы убедиться, что собеседники смогут видеть друг друга.

– Роджер Копонен, – произнес голос Эрна. Его лицо появилось на экране, прошло некоторое время, прежде чем зернистое изображение стало достаточно четким. Звук на несколько долей секунды отставал от изображения. – Прежде всего я хотел бы выразить свои глубочайшие соболезнования в связи с кончиной вашей жены.

Роджер ограничился лаконичным «Благодарю», хотя тот термин, которым Эрн описал смерть Марии – кончина, – должно быть, показался ему в некоторой мере абсурдным.

– Я старший инспектор Эрн Миксон, я веду расследование.

– Мне уже говорили. – Роджер сделал глоток минеральной воды с малиновым вкусом. Температура напитка, кажется, не имела для Роджера никакого значения. Санна облегченно вздохнула.

– К сожалению, мы ничего не можем сделать для того, чтобы облегчить положение. Нам нужно добраться до сути и убедиться, что мы поймаем того, кто это сделал.

– Как же так? – спросил Роджер, но прозвучало это так, будто его язык на мгновение застрял в горле. Затем он громко сглотнул и продолжил: – Что случилось с Марией?

– Вы сможете взглянуть на рапорт патруля через минуту. Причину смерти установят в ходе вскрытия, которое будет проведено немедленно.

– Черт побери! – теперь Роджер почти шипел. За несколько секунд он превратился из оленя, захваченного светом фар, в хищника с клыками. – Вы ведь видели тело Марии, не так ли?

– Да, но...

– Так почему вы не можете сказать мне, что с ней случилось?

– Мы пока не знаем...

– Черт! Да скажи мне хоть что-нибудь! Своими словами! Ее застрелили? Задушили? Была ли она... – Роджер понизил сорвавшийся голос, а его дрожащие пальцы сжались в кулаки, – была ли она изнасилована?

– Как я уже сказал, причина смерти остается неизвестной. Признаков сексуального насилия пока не обнаружено. Но следователь на месте происшествия обнаружил сходство...

– Сходство с чем?

– С одной из книг из вашей серии «Охота на ведьм».

Эрн сделал паузу, дав Роджеру время обдумать эту информацию.

– Или даже не с одной. Я не знаю, потому что, к сожалению...

– Какое чертово сходство? – рявкнул Роджер. Сидящая за столом напротив Санна понимала его вспышку гнева. Ее коллега в Хельсинки говорил загадками, а Копонен заслуживал услышать чистую правду.

– Могу я называть вас Роджер? Сейчас я пришлю вам фотографию. Я понимаю, что это, возможно... то, что вы увидите, вас шокирует. Но у нас есть основания подозревать, что преступник был вдохновлен... Что он скопировал способ убийства из вашей книги.

Роджер заметил, как Эрн опустил руки на клавиатуру. Он не ответил, лишь тяжело задышал в ожидании. Мгновение спустя раздался короткий сигнал. Санна как раз встала со стула, чтобы помочь Роджеру открыть приложение, но увидела, как он поднес руку ко рту, а значит, в этом уже не было необходимости.

– Какого черта?

Глаза Копонена округлились. Рука блуждала от рта к носу, терла нахмуренный лоб. Санна не видела фотографии и, несмотря на жгучее любопытство, считала неуместным обойти вокруг стола, чтобы посмотреть. Скоро она узнает, как умерла та женщина.

– Мне очень жаль, что приходится вам это показывать, но не могли бы вы подтвердить, что точно так же описали жертву в первой книге трилогии «Охота на ведьм»?

– А Мария... У нее было черное платье? – спросил Роджер, в мгновение ока превратившись в осторожного, испуганного человека, который только что смотрел в окно в безутешную февральскую тьму.

– Да, – ответил Эрн.

- Ногти покрашены в черный цвет? – теперь голос Роджера звучал так, словно он твердо решил держать себя в руках. Но взгляд его был прикован к фото мертвой жены, сделанному на месте преступления.

- Да.

- Черт, – прошептал Роджер и, схватившись за волосы, откинул голову назад, как будто кто-то его за них потянул. Затем он выпрямился и обеими руками вцепился в экран компьютера. Его кадык на мгновение поднялся к подбородку.

- Вы... вы были на берегу? – выдохнул он, еще больше побледнев.

- На берегу?

- Да. Берег! Вы были...

- Наш следователь обнаружил следы, и у нас есть основания полагать, что преступник проник на территорию участка со льда...

- Неужели никто из вас не читал эту чертову книгу?

Повисла еще одна пауза, ни один из собеседников не стремился ее прервать.

- Что на берегу, Роджер?

- Если какой-то чертов псих захотел воссоздать сцену в точности так, как она описана в книге, то Мария – не единственная...

- Что вы имеете в виду? Есть и другие жертвы?

- В книге было две ведьмы. И одна из них погребена подо льдом.

Я сожалею о вашей утрате. Эти слова так живо звучали в голове Джессики, что ей казалось, будто она произнесла их вслух. Она прошла мимо стоявшей на коленях фигуры, чей убитый горем взгляд был прикован к имени, выгравированному на белом камне. Мужчина опустил голову и тихо всхлипывал, вытирая мокрые от слез глаза тыльной стороной ладони. Из-под черного «конского хвоста» выглядывала татуировка на шее, а свободный воротник футболки обнажал мускулистые загорелые плечи. Затем его взгляд вернулся от колен к могиле, а кончики пальцев коснулись украшенной цветами таблички, за которой лежал умерший, теперь уже пепел. Джессика заметила мужчину издали, когда шла по мощеной дорожке между урнами, но только теперь, приблизившись к нему, поняла, как он красив.

Мне жаль. Слова снова застряли у нее в горле, и Джессика прошла мимо мужчины, который сидел, не обращая на нее внимания, не говоря уже о том, чтобы обернуться. Джессика быстро оглянулась через плечо и с облегчением подумала, что ей не следует совать нос куда не следует. Это было бы неуместно. И все же она поймала себя на том, что очень чего-то хочет. Глаза мужчины. Каким бы утонченным и красивым ни был профиль этого человека, она не увидела его глаз. Они, должно быть, коричневые и печальные.

Воздух был горячий, тяжелый, Джессика чувствовала в нем электричество, влажное прикосновение к коже. Черные тучи, нависшие вдали, предвещали грозу. Двадцать минут назад Джессика, облокотившись на перила вапоретто, смотрела на чернильный горизонт и думала о том, что дождь делает этот город из сотни островов еще уютнее.[3 - Вапоретто - речной трамвай, маршрутный транспорт в Венеции]

Путешествие Джессики из Мурано в исторический центр Венеции было прервано, когда вапоретто остановилось в Сан-Микеле. Повинуясь внезапному порыву, она сошла с лодки и ступила на причал острова-кладбища, окруженного кирпичной стеной и кипарисами.

Теперь Джессика неторопливо шла между массивными склепами, удивляясь всему, что видит. В Сан-Микеле мертвые покоятся друг на друге в надземных катакомбах, достигающих девяти этажей, точно так же, как жители бетонных жилых домов. Все это ошеломляет: почти каждый склеп украшен букетами цветов и изображениями мертвых, врезанными в камень. На многих фотографиях лица суровы (черно-белые снимки особенно излучают жесткость), но есть и много улыбающихся лиц. Иногда для могилы выбирается банальный,

вынужденный снимок, для места последнего упокоения это выглядит очень печально. Но близкие, по-видимому, выбирают снимок в память об умершем, олицетворяющий то, как они хотят, чтобы о родственнике помнили. А может быть, у некоторых людей просто мало фотографий.

Раздался первый раскат грома, Джессика почувствовала на лице теплый ветерок. Поднявшись по нескольким ступенькам на песчаную дорожку, идущую мимо полукруглого ряда гробниц, она шла, любясь деревьями, растущими среди них. Листья танцевали в порывах ветра. Джессика любила кипарисы, сосны и особенно пальмы, тянущиеся к небу. Они напомнили ей об отце, матери и маленьком брате. Песок хрустел под ее кроссовками, а когда Джессика остановилась, на маленькой площади воцарилась абсолютная тишина. Даже голубь, который ворковал минуту назад где-то вдали от посторонних глаз, умолк.

Джессика вспомнила табличку у входа на кладбище: Vietato fotografare, bere e mangiare. Она оглянулась, но вокруг не было ни души. Она могла бы съесть закуски, которые упаковала в свою сумку для прогулки на вапоретто, но хотела сначала записать личные воспоминания об этом единственном в своем роде острове. Она подняла камеру, висящую у нее на шее, и сделала несколько снимков очаровательной поляны и окружающих ее сводов. Затем опустила камеру, позволив ей болтаться на ремне, пока она медленно обходила изогнутое здание и внимательно всматривалась в открытые мавзолеи. Все было сделано со вкусом и ухожено, украшено прекрасным налетом времени.[4 - Фотографировать, пить и есть запрещено (итал.).]

Джессика вошла в дверной проем, и ее взгляд наткнулся на женскую фигуру, в натуральную величину, с терновым венцом, виднеющимся под руками, прижатыми к груди. Фигура устремила задумчивый взгляд вниз и в сторону, словно обдумывая ответ на трудный вопрос, в этих призрачных глазах было что-то невыразимое. Джессика сгорала от желания войти в строение, прикоснуться к щеке Девы Марии и ощутить контраст между теплотой идеи и холодом реальности. Она осторожно ступила внутрь, отметив, что воздух внутри толстых каменных стен прохладнее, чем снаружи. Джессика плотнее запахнула свой тонкий жакет и подошла ближе к стене из белого мрамора, где позолоченными буквами были высечены имена погибших. Даты смерти были совсем недавними, а у некоторых годы жизни и вовсе не были указаны. Это люди зарезервировали места рядом со своими близкими. Эта мысль показалась одновременно прекрасной и жуткой.

Джессика протянула руку, опустив кончики пальцев на костяшки статуи, осторожно, чтобы ее накрашенные ногти случайно не поцарапали белую, как бумага, кожу святой женщины. На долю секунды она почувствовала некую сопричастность, как будто два совершенно разных мира и времени сошлись вместе. Такое ощущение может дать только общая печаль. Джессика обхватила статую своими пальцами, но мраморные пальцы не сделали того же в ответ.

Холод... Именно то, о чем она мечтала. Поддержка, которую оказывали ей пальцы, была честная, не показная. Тайный сокровенный момент с Девой Марией был подобен наркотику: он ворвался в ее сознание с полной силой, это был порыв, подобный раскату грома. Никто не сможет понять, каково это. Никто не сможет ее утешить. Все происходило лишь здесь и сейчас.

Джессика глубоко вздохнула, постепенно отпуская пальцы Марии, и провела тыльной стороной ладони по гладкой щеке. Спасибо. И простите меня за вторжение.

В этот момент Джессика услышала зловещий звук снаружи. Она торопливо вышла, но никого не увидела. Затем услышала сердитый дрожащий голос, говорящий по-итальянски. Джессика попыталась понять, откуда он исходит. Потом она осознала: кладбищенские ораторы. Было что-то пугающее в этом сообщении, эхом отдававшемся от усилителей. Оно напоминало Джессике фильмы о Второй мировой войне: солдаты маршируют в строю, руки подняты в нацистском приветствии. Джессика в панике огляделась по сторонам: возможно, она нарушила правила, войдя в склеп. Но после прослушивания она поняла, что сообщение, доносившееся из динамиков, было лишь записью: кладбище закрывалось. Следующий вапоретто будет последним на сегодня.

12

Джессика быстро прошла через ворота и направилась к пристани. Она заметила, что с юга надвигаются темные тучи, и на ходу засунула фотоаппарат в сумку. Вдалеке рассекал волны вапоретто, нанося белые гребни на Мурано. Джессика замедлила шаг. Теплый ветерок задувал волосы ей на лицо. Она смахивала их, чувствуя, как желудок странно сжимается. Под навесом, на остановке вапоретто, стоял мужчина. Один. Прекрасный профиль, который она уже успела

изгнать из своей памяти, снова оказался перед ней. Девушку захлестнули азарт и дразнящее предвкушение. Она не из тех, кто легко влюбляется, но в этом человеке было что-то необъяснимое, возможно чувственность, порожденная печалью.

Мужчина обернулся, и она впервые увидела квадратную челюсть и карие глаза, красные от слез. Они именно такие искренние и грустные, как и представляла себе Джессика.

- Buona sera, - сказал он, посмотрев на Джессику, а затем вытер глаза, будто хотел убедиться, что на его лице не осталось слез. Голос у него был на удивление молодой, но приятно низкий.

Джессика ответила на его приветствие осторожной улыбкой и шагнула под навес. Мужчина снова повернулся к морю, положив руки на талию. С минуту они стояли рядом, не говоря ни слова. Джессике стало стыдно, что она пришла на кладбище из чистого любопытства, чтобы найти что-нибудь, что можно было бы вставить в свой фотоальбом, в то время как этот человек пришел навестить кого-то близкого, которого он когда-то любил и потерял. Какое счастье, что она убрала камеру, подумала она и краем глаза заметила кольцо на левом безымянном пальце мужчины.

Вапоретто на горизонте приближался к Сан-Микеле. Мужчина снова повернулся к Джессике.

- Sta per piovere, - произнес он с легкой улыбкой. Похоже, будет дождь. Он смотрел на нее с сочувствием, как будто они находились в одной лодке. Впрочем, очень скоро они там и будут буквально. Джессика поправила сумку на плече.

- Si purtroppo, - ответила она и поняла, что акцент ее выдал. Южный тип Джессики, смуглые черты лица, черные волосы и ярко-зеленые глаза вполне могли принадлежать местной жительнице. И хотя любовь к языку, который она выучила еще в средней школе, сделала ее итальянский свободным, он, конечно, был не безупречен. Мужчина на мгновение растерялся, прежде чем кивнуть, и на этот раз его взгляд не вернулся к морю. Он оглядел ее с головы до ног, словно искал ответы на вопросы, которые еще не задал. Но осторожный осмотр, проведенный печальными глазами, не казался Джессике наглым. Наоборот, она

почувствовала, что ее заметили.

- Это прекрасное место, - продолжила Джессика по-итальянски, чтобы нарушить молчание. Мужчина снова кивнул и обеими руками откинул назад волосы. Сухожилия и толстые вены вздулись на его загорелых руках. Бицепсы напряглись под белой футболкой. По мере того как рукава поднимались вверх, открывалось все больше набитых на коже татуировок.

- Да, - ответил он, опустив взгляд на носки своих ботинок. Мяч теперь на его стороне, и только так поединок будет продолжаться естественным образом. Но мужчина ничего не говорил. На его лице все еще читалось горе, с которым ему явно приходилось бороться снова и снова.

В наступившей тишине Джессика наблюдала за приближающимся вапоретто, его появление одновременно раздражало и освобождало. Капитан дал задний ход, чтобы замедлить ход судна, и рев двигателя заглушил еще один удар грома. Борт вапоретто ударился о пирс, и судно неуклюже причалило. Лодочник, молодая женщина в бирюзовой рубашке поло, привязала веревку к сваям и подтянула речной трамвайчик к причалу. Бенвенуто. Двигатели урчали на холостом ходу, как котел с кашей. Тяжелый запах дизельного топлива наполнил воздух.

Кончики пальцев мужчины украдкой подобрались к плечу Джессики и теперь осторожно подтолкнули ее на палубу вапоретто.

- После вас, - произнес он по-английски. Ступив на борт лодки, Джессика снова почувствовала бабочек в животе, белые костяшки пальцев Девы Марии на коже и наэлектризованный воздух вокруг них.

13

- Откуда вы? - спросил мужчина, продолжая говорить по-английски.

- Из Финляндии.

– А, Финляндия. Мика Сало, Мика Хаккинен... – шутливо сказал он, когда они нашли себе места на пластиковых скамейках лодки. Вапоретто был почти пуст, и, усаживаясь, мужчина оставил место между собой и Джессикой. Сидеть рядом было бы неловко.[5 - Мика Сало – финский автогонщик, пилот «Формулы-1».] [6 - Мика Хаккинен – финский автогонщик, обладатель двух чемпионских титулов.]

– Коломбано, – выпалил он и вытер капельку пота с виска.

– Прошу прощения?

– Это мое имя. Он протянул руку. Джессика посмотрела на потрескавшуюся кожу на костяшках пальцев, вытатуированные на них буквы. Она взяла его большую руку в свою и произнесла свое имя на английский манер так, как научилась произносить его, когда была маленькой.

– Зесика. Прекрасное имя.

– Спасибо.

– Ваша первая поездка в Венецию?

Джессика перевела взгляд с окна на море. Лодку уже сняли с причала, и теперь они держали курс на Венецию. Она сжала мочку уха. По какой-то причине присутствие Коломбано заставляло ее стесняться. Все его повадки совершенно не были похожи на поведение неуверенных в себе подростков-переростков, которых она обычно встречала летними вечерами на террасе в Кайвохоне.

И вот они сидят здесь, двое взрослых людей, все еще незнакомцы, один из которых кажется гораздо более зрелым, нежели другой. Так и есть. Коломбано старше ее лет на десять, а может, и больше. Он нарушил молчание:

– Вы путешествуете одна?

Повисла мучительно долгая пауза, прежде чем Джессика открыла рот, чтобы ответить. Слова застряли у нее в горле. Разумно ли рассказывать правду тому, с кем она только что познакомилась? Является ли путешествие в одиночку по Европе признаком интровертной натуры? Или это дерзко, даже смешно? И

почему все это имеет какое-то значение?

– Нет, – ответила Джессика, и от этой лжи у нее мурашки побежали по коже. – Мои друзья вернулись в Мурано. Они слишком устали...

– Слишком устали, чтобы пойти с тобой на кладбище? Вы, молодые, и правда странные. – Коломбано ослепительно улыбнулся, и Джессика тут же пожалела, что не рассказала правду. Затем она увидела, как на его лице проявилась пустота, но не из-за ответа Джессики, а из-за того, что машинка на американских горках его эмоций снова погрузилась в темный туннель.

Кого ты оплакиваешь, Коломбано? Так думала Джессика, пока брызги из открытого окна били ей в лицо. Она расстегнула молнию на сумке, достала карманный путеводитель по городу и начала перелистывать страницы, чтобы дать Коломбано возможность собраться с мыслями.

Час назад, выйдя из своего отеля на Мурано, она планировала осмотреть все главные достопримечательности. Дворец Дожей. Собор Святого Марка. Большой канал. Мост Риальто, пересекающий его, может быть, насладиться неторопливым обедом во внутреннем дворике кафе «Кьоджа» и заглянуть в несколько дизайнерских бутиков. Но спонтанный визит в Сан-Микеле поверг ее планы в хаос. В течение нескольких минут вапоретто двигался по маршруту, отмеченному деревянными сваями. Скамейка под Джессикой задрожала, а значит, они замедляли ход. Она закрыла путеводитель и положила его обратно в сумку.

– Ваша остановка? – спросил Коломбано.

– Да. Вроде бы, – пробормотала Джессика и закусила губу.

– Ты не знаешь?

– Я имею в виду... Я не очень хорошо знаю этот город...

– Понимаю. Я знаю его достаточно хорошо, но тоже не во всем уверен.

– И в чем же не уверены?

– Моя ли это остановка. – Коломбано засмеялся и глубоко вздохнул.

– Итак, – протянула Джессика. Подошвы ее ног соприкоснулись с полом. Она перекинула сумку через плечо и спросила: – Это она?

Трудно объяснить, что происходило между ними. Вопрос прозвучал так, будто она пыталась флиртовать, хотя она и не собиралась этого делать. Или собиралась? Джессика надеялась, что жар, внезапно распространившийся по ее лицу, не заставил щеки покраснеть.

– Нет, – наконец произнес Коломбано почти холодно. – Я собираюсь ехать дальше.

Джессика почувствовала, как у нее сдавило горло. Такое чувство, будто кто-то только что вытащил ковер из-под ее ног. Она смотрела на Коломбано, не зная, как закончить разговор. Станция уже появилась за окнами. Двигатель снова заурчал, и, накренившись, вапоретто ударился о пирс.

– Arrivederci, allora, – сказала Джессика с улыбкой и повернулась к лестнице, ведущей на палубу. О чем она только думала? Этот человек либо женат, либо едва овдовел. Какого черта она...

– Зесика?

Она услышала голос позади себя и остановилась. Коломбано последовал за ней, и, обернувшись, Джессика уловила сильный запах лосьона после бритья.

– Не знаю, может быть, вы и ваши друзья любите классическую музыку. – Коломбано протянул ей листовку. – «Времена года» Вивальди. Я выступаю сегодня вечером.

Джессика с удивлением посмотрела на листовку. На ней был изображен струнный квинтет. Посередине стоял красивый мужчина: в его могучих руках покоилась скрипка...

– Я спрошу своих друзей.

– Я могу заказать два бесплатных билета. Остальным придется заплатить.

– Спасибо. – Джессика улыбнулась и сложила листовку вдвое. Затем она повернулась на каблуках и сошла на берег. Воздух был влажный, тяжелый, футболка липла к вспотевшей спине.

Несмотря на это, она чувствовала себя легче, чем когда-либо.

14

Лучи мощных фонарей расчерчивали двор, пока полицейские бегали по береговой линии. Еще дальше над морем парили два вертолета, высматривавшие следы на льду.

– Постройтесь в шеренгу и смотрите под ноги! – кричала Джессика, ее взгляд был сфокусирован на горизонте. Группа брела по левому краю участка, по той же самой тропе, по которой следователи и патруль уже однажды шли к воде. Отпечатки обуви, которые уже были сфотографированы и смоделированы для дальнейшего исследования, наблюдались вдоль дорожки, проходящей через середину большого двора.

Джессика остановила остальных, подняв кулак в воздух. Достигнув кромки замерзшей воды, она замедлила шаги. На берегу была путаница размягченных снегопадом следов, предположительно следов подозреваемого. Согласно отчету криминалистов, они вели от участка Копоненов к длинной конькобежной дорожке, проложенной в ста ярдах по льду.

– Где-то здесь должна быть какая-то хитрая штуковина. Что-нибудь, что удержало бы ее на месте, – сказала Джессика, останавливаясь на краю льда. Офицер Лассе Халлвик остановился рядом с ней. Его лицо было безмятежно, как будто он получил подтверждение того, что выполнил все свои сегодняшние обязанности на отлично.

– Хитрая штуковина? – спросил он, прислонив к плечу рукоятку длинного фонарика.

- Так сказал Копонен. Иначе его бы не нашли.

- Кого не нашли?

- Второе тело, - Джессика втянула в легкие обжигающий ледяной воздух. Ее взгляд скользнул по берегу. Посередине стоял деревянный причал, в нескольких метрах от него - два покрытых снегом красных буйка, вмерзших в лед. Следы подозреваемого тянулись по прямой с юга, шли мимо причала, огибали его и поднимались на берег. Затем они зигзагообразно двигались взад и вперед в радиусе десяти метров прямо у ватерлинии.

- Подожди здесь, - попросила Джессика, ступив на замерзшее море. В трех метрах от берега был потревожен участок снежного покрова размером в квадратный метр.

- Черт побери, - прошептала Джессика, осторожно приблизившись к тому, что внезапно начало казаться ловушкой. Это была дыра во льду, которую кто-то изо всех сил старался прикрыть. В книге Копонена ведьма была прикреплена ко льду. Последние слова Эрна эхом отдались в ее ушах.

- Халлвик, - позвала Джессика, склонившись над мокрым снегом. Отверстие, вырезанное во льду, по радиусу немного превосходило пляжный мяч. Джессика услышала приближение Халлвика, но не стала дожидаться его - начала действовать. Она попыталась просунуть пальцы между куском льда, покрывающим маленькую полынью, и окружающим его морским льдом, но вода уже замерзла.

- Попробуй вот это. - Халлвик снял с пояса мультиинструмент, который его опытные руки быстро превратили в нож. Он опустил на колени рядом с Джессикой, резко ударил по льду, и через мгновение замерзшая масса поднялась подобно крышке колодца.

- Дерьмо, - пробормотал Халлвик. На его лице появилось выражение ужаса и недоверия.

Джессика сглотнула и почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Халлвик смотрел на швартовы, воткнутые в кусок льда, который он держал: пластик с толстым шнуром, обвязанным вокруг него. Джессику затошнило.

– Позови ребят, – тихо попросила она. – Нам понадобится помощь, чтобы вытащить ее на поверхность.

Халлвик сложил мультиинструмент и сунул его обратно в футляр на поясе, крепко держась за леску. Затем он встал и протянул веревку Джессике.

– Кто-нибудь, подойдите сюда и помогите нам, – услышала Джессика его голос. Веревка была мокрой и ледяной. Она обернула ее вокруг затянутого в перчатку кулака и посмотрела на дыру во льду: вода черная, тьма в жидкой форме. По всей вероятности, где-то там, в глубине ледяной воды, покоится мертвая женщина, и единственное, что отделяет ее от Джессики, – это веревка. Мост между жизнью и смертью. Несмотря на пуховик, Джессика вдруг поняла, что дрожит.

– Хочешь, я подержу? – голос Халлвика вывел Джессику из задумчивости. Она повернулась и передала ему конец веревки, увидев, что та зловеще натянута. Там действительно был труп. Она встала и только теперь осознала, что колени онемели от ледяной поверхности, с которой они соприкасались через нетолстую джинсовую ткань. Халлвик и еще один офицер в форме вытаскивали веревку из воды. Фонарики освещали операцию со всех сторон. Процедура напомнила Джессике вытаскивание из воды ловушки для крабов. Длинная веревка метр за метром оказывалась на льду. И, наконец, темный, похожий на водоросли комок поднялся на поверхность.

Волосы у женщины были черные, как смоль, прямо как у Марии Копонен.

15

Резкий ветер гнал по льду снежную пыль, а Джессика наблюдала, как мешок с телом на носилках завозят в машину «Скорой помощи». Она на мгновение прикрыла веки, но образ широко раскрытых карих глаз и бледной кожи женщины будто выжегся на ее сетчатке.

– Ну и ночка, – бросил за ее спиной Юсуф, закуривая сигарету. В свободное время он играл во флорбол во втором дивизионе, а курил редко, только когда

испытывал сильный стресс.[7 - Флорбол – разновидность хоккея с мячом]

- Дай мне одну, – попросила Джессика. С сигаретой во рту Юсуф качнул головой, кивнул на полицейских в форме, курящих у полицейского фургона, сделал затяжку и предложил сигарету Джессике.

- Забудь об этом, – вздохнула Джессика, засунув руки поглубже в карманы своей парки.

- Есть новости от Эрн? – спросил Юсуф, выдыхая дым мелкими клубами.

- Он разговаривает с Копоненом. Они обсуждают все убийства, описанные в его книгах. Способ убийства, место...

- Кошма-а-а-р... Сколько же их там? Я имею в виду убийства.

- Даже не знаю. Эти два были в начале первой книги.

- Господи, – протянул Юсуф, застегивая молнию на куртке до самого верха. – Что дальше?

- Эрн может позвонить с минуты на минуту. – Джессика жестом велела Юсуфу отойти в сторону, подальше от любопытных взглядов. Несмотря на то что было уже за полночь, к репортерам, столпившимся за полицейским кордоном, присоединились зеваки. Полдюжины полицейских наблюдали за улицей и участком, чтобы убедиться, что никто не вторгся на место преступления. Напряжение наполняло воздух. Странные события вечера заставили всех присутствующих понервничать.

- Сейчас мы мало что можем сделать, – тихо сказала Джессика, останавливаясь у забора Копоненов. – Нам известно лишь то, что преступник подошел к дому со стороны конькобежной дорожки.

- Значит, у нас нет никакой возможности выяснить, откуда он пришел.

- Даже если это и не совсем невозможно, то чертовски трудно. Весь вечер шел снег. Криминалисты сейчас проверяют трассу для катания на коньках.

– Медики сообщили, утонула она или нет?..

– Скоро узнаем, – ответила Джессика, глядя, как дым вырывается из ноздрей Юсуфа в обжигающий воздух.

Юсуф украдкой бросил взгляд на телефон.

– В розыск никого не объявляли.

– Пока нет. Но жертва была тщательно выбрана. Судя по внешности, она могла быть сестрой-близнецом Марии Копонен.

Юсуф бросил окурок на землю, внезапно насторожившись:

– Что? Сестра? Нет.

Вертолет с грохотом приближался. Джессика посмотрела на фасад роскошного дома и вздохнула. Она знала, каково это – расти в доме с таким количеством комнат, что его можно назвать маленьким отелем. Она вдруг вспомнила запах кожи на заднем сиденье черной машины, высокий металлический забор, толстого дружелюбного мужчину, одетого в полицейскую форму, хотя он и работал в охранной компании. В Финляндии нет ни заграждений, ни заборов, ни охраны, во всей стране нет ни одного закрытого жилого комплекса. Любой человек может позвонить в чужую дверь, без каких-либо проблем. Набережная Кулосаари – один из самых дорогих районов во всей Финляндии, и все равно кто-то вошел в дом незамеченным и убил Марию Копонен.

– Джессика? – позвал Юсуф, выводя ее из задумчивости. Она кивнула полицейскому, стоящему на другой стороне дороги. Тот махал им, чтобы они подошли. Полицейский разговаривал с пожилой женщиной в парке.

Они поспешили к ней.

– Детектив Ниemi, – представилась Джессика, протягивая руку пожилой женщине. Та дрожала, и Джессика почувствовала, как хрупки ее костлявые пальцы. Морщинистое лицо женщины было усеяно коричневыми пятнами, голос дрожал, но взгляд все еще был острым. Джессика заметила, как маленькие

глазки метнулись и пронзили Юсуфа насквозь, как в них вспыхнуло подозрение.

– Простите, что не вышла раньше, – слабым голосом произнесла женщина и с беспокойством посмотрела на дом Копоненов. – Но я спала так крепко, что...

– Не стоит извиняться, мэм, – ответила Джессика. Она посмотрела на зеленые металлические ворота и крутую подъездную дорожку за ними и удивилась, как старухе удалось доковылять до улицы, не поскользнувшись и не упав. Джессика дала женщине время собраться с мыслями. Она бросила взгляд на Юсуфа, казавшегося немного разочарованным. На то была веская причина: крайне маловероятно, что старая женщина, которая несколько минут назад крепко спала, видела или слышала что-то важное в момент убийства.

– Это очень странно, – наконец сказала старуха и пожала плечами под пальто, чем напомнила Джессике дрожащую черепаху. В глазах пожилой женщины внезапно появился страх. Джессика сделала шаг вперед.

– Что странно, мэм?

– Вам придется пойти со мной. Я не могу вспомнить... – Старуха жестом пригласила их следовать за ней. Джессика и Юсуф обменялись недоуменными взглядами, а затем последовали за женщиной, осторожно пробирающейся через двор. Юсуф жестом показал патрульному офицеру оставаться на месте.

– Может быть, у нее засорилась раковина или... – шептал Юсуф.

Джессика шикнула на него, пока они медленно поднимались по крутой подъездной дорожке. В верхней части большого двора стоял милый деревянный дом с зажженным светом в одном из верхних окон. Несмотря на тревожные события вечера и сильный мороз, женщина оставила входную дверь открытой.

– Вам придется подняться наверх, – продолжила женщина, когда они вошли в дом. Она повесила пальто на крючок и пренебрежительно отмахнулась, когда Джессика и Юсуф сняли свои покрытые снегом туфли. Лакированный дощатый пол скрипел под ногами. В прихожей пахло старым деревом и сыростью.

– А что там наверху? – нетерпеливо спросила Джессика, когда старуха опустила ногу на первую ступеньку. Она быстро анализировала различные варианты, но не могла придумать, что полезного с точки зрения расследования можно было бы найти на втором этаже дома этой женщины.

– Вы должны сами посмотреть, – ворчала старуха и медленно, но решительно поднималась по лестнице. Джессика бросила еще один взгляд на Юсуфа, который только пожал плечами.

Наверху лестницы оказался холл, стены которого были увешаны десятками черно-белых портретов. Большинство из них – групповые снимки: молодая женщина и около дюжины детей и подростков смотрят в камеру. Может быть, старуха когда-то была учительницей?

Из открытой двери в конце коридора лился свет. Они направились к нему вслед за хозяйкой.

– Это моя спальня. Прошу извинить, у меня не было времени застелить постель, – сказала она, когда они переступили порог. Джессика понимающе улыбнулась ей и оглядела комнату. Кровать, зеркало, письменный стол, кресло. Персидский ковер, маленькая люстра. Все в идеальном порядке. Старуха подошла к окну и встала там спиной к ним. Джессика украдкой бросила взгляд на часы. Может быть, Юсуф все-таки был прав, может быть, старость затуманила чувство реальности у этой женщины? Джессика убрала со лба мокрые от снега пряди волос.

– Вы хотели нам что-то показать, мэм.

Женщина медленно обернулась. Теперь ее голос стал холодным, механическим.

– Malleus Maleficarum.

– Прошу прощения?

Джессика нахмурилась и прошла дальше в комнату. Женщина повторила. Слова были похожи на латынь. Внезапно зловещая тишина окутала комнату. Слова вырывались изо рта старухи, как будто губы, произносящие их, были одержимы.

На ее лице отразились одновременно смущение и страх. Пальцы Джессики инстинктивно потянулись к кобуре. Ее тело мгновенно пришло в состояние повышенной готовности.

– В моем возрасте у людей начинает портиться память, – тихо произнесла старуха. – Но со зрением у меня все в порядке, – заверила она, показав на окно. Джессика и Юсуф осторожно подошли к нему. Они стояли на верхнем этаже трехэтажного дома, построенного на вершине холма, они находились намного выше того, что было вокруг. Джессика поняла, что женщина указывает на что-то, чего они не могли видеть с улицы.

– Какого черта...

MALLEUS MALEFICARIUM. Эти слова были выведены крупными буквами на заснеженной крыше дома Копоненов. Джессика поднесла телефон к уху и посмотрела на Юсуфа. Усмешку на лице коллеги будто стерли.

Теперь он выглядел так, будто увидел привидение.

16

Старший инспектор Эрн Миксон откинулся на спинку стула и потер запястья. Его стол был завален случайными распечатками из интернета. Фрагменты текста и изображений он нашел с помощью быстрого поиска. Malleus Maleficarum. Этот термин относился не только к французской блэк-метал-группе, но и к книге об охоте на ведьм, опубликованной в 1400-х годах. «Молот ведьм». Согласно Википедии, это руководство с сомнительной репутацией, собранное инквизитором Генрихом Крамером, содержит подробные инструкции о том, как допрашивать, пытаться и наказывать подозреваемых ведьм. Немного покопавшись, можно обнаружить, что книга переведена на финский язык, ее уже ищут.

Минуту назад Эрн разговаривал по телефону со своим боссом, который в конце разговора пообещал с самого утра выделить дополнительные ресурсы для расследования. Слова, обнаруженные на крыше, усложнили загадку,

окружающую убийства, особенно потому, что в книгах Роджера Копонена не имелось упоминаний о чем-либо подобном. Итак, оба убийства были совершены в полном соответствии с идеей Копонена, но текст на крыше дома казался прихотью убийцы.

Эрн услышал слабый сигнал и проверил показания термометра. 37,7. Черт, не может быть. Обычно он ощущал повышение температуры теплыми волнами и слабостью, но на этот раз ничего не заметил. Расстроенный, он ощупал свой лоб и засунул термометр обратно под мышку, чтобы удостовериться. Затем вынул из блистера кусочек никотиновой жвачки и положил в рот. Фруктовый вкус быстро исчез, и жжение распространилось по задней стенке горла. Ветер наконец стих, и в офисе с открытой планировкой воцарилась тревожная тишина.

– Джесси, – позвал Эрн, проглатывая покалывающее ощущение.

Усталый, но решительный голос, доносящийся из динамика телефона, ответил:

– Есть новости?

– Через минуту я снова поговорю с Копоненом. Мы пришли к выводу, что ему лучше всего немедленно отправиться в Хельсинки. Кто-нибудь из Савонлинны его отвезет. Утром мы получим подкрепление. – Эрн чувствовал нетерпение своей молодой коллеги. Он пошел против своих принципов и вызвал подчиненного на разговор, хотя на самом деле новостей у него не было.

– Хорошо.

– А вы, ребята, идите домой. Вы мне понадобится завтра рано утром. Сегодня мы сосредоточимся на том, чтобы выследить подозреваемого с помощью патрулей и собак. Мы поймем этого засранца.

– Ты думаешь?

– Конечно, – самоуверенно заявил Эрн и взял в руки один из распечатанных им рисунков. Явно средневековый сюжет: обычные люди, беседующие с рогатыми существами. Дьяволами или, возможно, демонами. На следующем изображении – женщина со связанными лодыжками подвешена за руки, с пленницей беседуют

суровые мужчины в темных одеждах – эта картинка выдержана в более реалистичной манере. Это, несомненно, изображение какого-то суда. Или пыток. Во всяком случае, женщина выглядит испуганной.

Среди этих дьявольских сцен до него донесся голос Джессики:

– Если ты так думаешь.

– Что?

– Мы пойдем отдохнем.

– Увидимся утром, – рассеянно бросил Эрн и услышал, как Джессика положила трубку. Он открыл фотографию Марии Копонен и женщины, которой криминалисты дали жуткое, но подходящее прозвище «ледяная принцесса». Ее бледное красивое лицо было так спокойно, будто она спала столетним сном, от которого когда-нибудь проснется.

Эрн взял в руки несколько средневековых рисунков костров. Женщин сжигали. Толпа ликовала. Огонь. Агония. Все это выглядело так знакомо: похожие изображения были использованы на обложках книг Роджера Копонена.

Все эти преступления были совершены инквизицией – карательным органом католической церкви, созданным для борьбы с ересью. Эрн вздрогнул. Ведьм, конечно, никогда не существовало, но тем не менее все это происходило на самом деле. Невинных женщин убивали по приказу инквизиции. А теперь кто-то начал копировать эти гнусные преступления. Может быть, это садист, который нашел вдохновение для своих убийств в средневековых опусах и триллерах Роджера Копонена? Или преступник настолько бредит, что воображает, будто творит добро, избавляя мир от ведьм?

Эрн глубоко вздохнул и закрыл глаза. Термометр просигнализировал. 37,7. Это показание заставило его виски покрыться холодным потом. Он уже много лет настойчиво измерял температуру. Эрн засовывал термометр себе под мышку по меньшей мере два-четыре раза в час и записывал в своем блокноте более пятидесяти показаний за один день. Оглядываясь назад, он понимал, что все это было совершенно бессмысленно и бесполезно.

Врач обещал завтра позвонить и сообщить результаты последних анализов. Позвонить он мог в любое время в течение рабочего дня, как будто невозможно было назначить более точное время для звонка, связанного с таким серьезным делом. Долбаные напыщенные шарлатаны.

17

Юсуф остановился на перекрестке улиц Теоленкату и Мусеокату. Освещенная городскими огнями и луной башня Национального музея выглядела сюрреалистично на фоне черного неба, как какой-нибудь небоскреб из Готэм-Сити. Снежинки, дрейфующие в воздухе, крошечные, будто блокирующие цвет фильтры в изображении.

– Напомни мне, что утром первым делом кто-нибудь должен поговорить с коллегами и боссом Марии Копонен, – попросила Джессика.

Юсуф кивнул. Салон автомобиля наполнился теплым воздухом.

– Хочешь, я заеду за тобой утром?

– Нет, спасибо. Я сама туда доберусь. Поспи как можно больше, день снова будет долгим. – Джессика бросила взгляд на часы на приборной панели автомобиля. 01:47. Она открыла дверь, и холодный порыв ветра ворвался в теплую машину.

– Увидимся завтра.

– В восемь. Спасибо, что подвез. – Джессика застегнула молнию и вышла из машины. На стоянке в конце квартала стояло такси, хотя вероятность того, что какая-нибудь заблудшая душа появится в такой час в февральский вторник была крайне мала.

Джессика проследила, как «Фольксваген Гольф» Юсуфа свернул на Маннергейминтие и исчез из виду. Она достала мобильный телефон. Может быть, Фубу еще не спит? Джессика очень устала, но понимала, что не сможет заснуть сразу. Вряд ли получится выбросить из головы Марию Копонен и женщину,

привязанную ко льду. Два убийства совершены абсолютно разными способами. Две красивые женщины с темными волосами.

Джессика почувствовала, как тепло растеклось по пальцам. Кровь бежала по венам, слышался шум в ушах. Яркая, подчеркнутая женственность жертв произвела на нее сильное впечатление. Каким-то образом мысли о безжизненных, но красивых женщинах заставляли ее чувствовать свою собственную сексуальность. Она здесь, и она жива.

- Джесси? - вялый мужской голос в трубке прозвучал удивленно.

- Ты... ты спишь?

- Сплю? К черту сон. Я тебя слушаю.

- Я... - Джессика вздохнула и пересекла пешеходный переход, прижимая телефон к уху. Ветер раскачивал уличные фонари на проводах.

- Все в порядке? - спросил Фубу, теперь уже более серьезно. По голосу Джессики было ясно, что это не обычный звонок.

- Сумасшедшая была ночка.

- Хочешь поговорить об этом?

- Не смогла бы, даже если бы захотела. - Джессика достала из кармана ключи от дома. Она услышала, как на другом конце провода стукнуло сиденье унитаза. Она представила себе грязную холостяцкую берлогу Фубу, вспомнила запах несвежих простыней, пахнущих сексом и духами - и не только ее, но и чьих-то еще. Джессика захотела ощутить рядом с собой мужское тело. Мужчину внутри себя. Так сильно и так долго, что она не смогла бы терпеть, и все это пока она не устала бы настолько, что сон пришел бы сам собой. Она хотела проснуться утром и уйти, зная, что никогда не вернется обратно.

- Хочешь приехать? - спросил Фубу после короткого молчания.

- Возможно. Но мне вставать через пять часов.

– А мы и не будем спать. – Джессика слышала, как Фубу спустил воду в туалете. Она представила, как он падает на кровать в свободных боксерах. Это теплый образ, безопасный в том смысле, в котором она сейчас нуждается. Но потом ее мысли вернулись к окаменевшему лицу Марии Копонен, безупречному макияжу, коктейльному платью, покрашенным ногтям. По телу пробежал холодок.

– Может быть, завтра. Спасибо, что ответил, – поблагодарила Джессика и открыла дверь своего дома.

– В любое время, детектив.

18

Джессика вышла на пятом этаже и закрыла двери старомодного лифта. Затем вставила ключ в замок двери с медной табличкой с надписью «Ниemi».

Она вошла и включила свет в своей квартире-студии, окна которой выходили во внутренний двор. Она сняла туфли, повесила пальто, подобрала бумажки, которые почтальон просунул в почтовый ящик, и какое-то время даже просто постояла, задумчиво оглядываясь по сторонам.

В некоторые ночи, особенно когда она очень уставала, Джессика оставалась здесь, в студии, чтобы поспать. Это было своего рода ролевой игрой для нее, как палатка для игр на заднем дворе, где вы можете спокойно расслабиться.

С тех пор, как Джессика ночевала здесь в последний раз, прошло уже две недели. Это было в ту ночь, когда Фубу позвонил ей пьяный в стельку, будучи таким же очаровательным, как и всегда. Он хотел предложить ей, по его словам, лучший секс в ее жизни. Несмотря на всю браваду, все прошло довольно посредственно. В конце концов Джессика удовлетворилась тем, что накрыла одеялом своего отключившегося гостя и вытерла следы от бокала вина, который выскользнул из его безвольной руки.

Джессика опустила почту на стол и достала из связки ключей второй из них. На правой от входа стене, рядом с альковым, была еще одна входная дверь. Две

входных двери в такой маленькой квартире всегда вызывали смех у ее редких посетителей.

Джессика открыла и эту дверь и вышла на вторую лестничную клетку в одних носках. Здесь не было лифта, только лестница, ведущая вниз и на балкон для проветривания, а также на чердак. На лестничной площадке имелась еще одна дверь, без таблички. Джессике не было необходимости включать свет на лестнице, хотя она слышала, как за ней закрывается дверь в студию. Ключ с зеленым резиновым кольцом погрузился в замок. И снова свет залил темную лестничную клетку. Но на этот раз Джессика ввела код системы безопасности, прежде чем пройти по длинному коридору. Она вошла в большую комнату, из эркерных окон которой открывался панорамный вид через парк на залив и на юг к зданию парламента и ярко освещенной улице Маннергейминтие за ним. Дизайн квартиры представлял собой смесь модных решений и старой мебели, консервативного и современного искусства. Полдюжины картин в декоративных рамах висели на длинной стене за двумя диванами. Несмотря на различие стилей, работы Мюнстерхельма, Шерффбека и Эдефельта пребывали в полной гармонии друг с другом.

Джессика прошла через гостиную, мимо винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, и вошла в просторную кухню. Она включила электрический чайник, достала из буфета белую кружку, поставила ее на стол и прислонилась к стойке. Компания Roggenprohl. Если не считать отделки шкафов, кухня в точности такая же, как в доме Копоненов. Три года назад она стоила шестьдесят три тысячи евро, включая саму технику и установку.

Вода в хромированном чайнике постепенно начала закипать. Джессика открыла ноутбук, лежавший на стойке, набрала пароль, открыла поисковую систему и ввела *malleus maleficarum*. Час назад «Молот ведьм» не имел для нее никакого значения, но теперь, когда она увидела те слова на крыше дома Копоненов, девушка не могла удержаться от того, чтобы не погуглить их. Вообще, ответственность за исследование книги и ее истории не лежала на плечах Джессики. Эрн немедленно поручил это специалистам из отдела, Нине и Микаэлю, которые в этот самый момент яростно перечитывали не только книги Роджера Копонена, но и все, что касается «Молота ведьм», который им доставили в середине ночи. Нина и Микаэль – важные специалисты отдела по расследованию убийств, у которых глаз заточен на мелкие детали, критически важные для расследования. Джессика знала и о том, что они встречаются вне офиса, хотя они никому в этом не признавались. Джессика почувствовала

угрызения совести. Нина заслуживает лучшего человека – и лучшего друга.

Джессика открыла англоязычную статью в Википедии. Она была более полная, нежели финская, и содержала средневековые рисунки, детально изображавшие различные методы убийства. Она тщательно просмотрела текст, от некоторых фраз у нее замирало сердце. Подозреваемую ведьму было разрешено пытаться, пока она не сознается в колдовстве. Джессика знала, что применение психологического или физического насилия для получения признания не являлось чем-то необычным – это происходит и по сей день во многих авторитарных государствах. Но идея колдовства как уголовного преступления была абсурдна. Сколько невинных людей пострадали только потому, что в глазах католической церкви они были еретиками? Как могло случиться, что одно неверное высказывание, скверный слух или точное предсказание погоды могли кого-угодно отправить на костер под одобрительные крики кровожадной толпы?

Джессика развернула распечатку, которую дал ей Эрн, и набрала имя работодателя Марии Копонен в поисковой системе, начав просматривать идеально вылизанный веб-сайт компании под названием «Neurofarm». Контрактный производитель нейрорептиков, что бы это ни значило. Она могла бы поручить дальнейшие поиски настоящему «двигателю» их команды, Расмусу.

Вода в чайнике закипела. Джессика подняла остекленевшие глаза от экрана, бросила пакетик чая в кружку и погрузила его в горячую воду. Кружка оказалась горячей, и кончики пальцев онемели. Прошло уже много лет с тех пор, как Джессика мечтала потерять чувствительность не только в пальцах, но и в каждой клеточке своего тела.

Джессика захлопнула крышку ноутбука и потерла глаза. Она сгорала от желания погрузиться в это дело, но ее мозгу нужен был отдых. С горячим чаем в руке она прошла в гостиную. Комната была похожа на музей, который она постепенно обновляла каждый год. Старый рояль был закрыт, как и кофейный столик, который передавался в ее семье по наследству в течение столетия. Бледно-розовые обои уступили место светло-серой краске. Тем не менее квартира выглядела биполярно, будто человек, живущий в ней, не мог определиться, тридцать ему лет или восемьдесят. По какой-то причине в последнее время это очень беспокоило Джессику.

Холод наполнил Джессику, как будто ветер снаружи поселился внутри нее. Она поймала себя на том, что жалеет, что не пошла к Фубу. Дом, в котором Джессика

родилась и всегда чувствовала себя в безопасности, никогда не был слишком большим, голым и одиноким. Но сегодня Джессика была уверена, что не сможет уснуть.

19

Шепот. Он звучал не близко, а доносился будто бы издалека, слишком издалека, чтобы быть реальным. И поэтому казался таким необычным. Джессика открыла глаза. В гостиной было темно, телевизор выключился автоматически по таймеру. Время на электронных часах показывало 3:30 утра. Снаружи завывал ветер, стекла скрипели. Несмотря на это, в квартире было душно и жарко.

Шепот. Джессика села.

- Кто здесь?

Джессика спросила это, хотя и понимала, что голос принадлежал ее матери, когда-то это был самый красивый голос в мире. Она помнила, как чувствовала ее шепот, пока солнечные лучи проникали сквозь ее закрытые веки. Она помнила нежные руки, которые поднимали ее и держали. Их носы соприкасались в «эскимосском поцелуе».

Шепот. Мама, должно быть, знает, что Джессика проснулась. Так почему же она все еще шепчет? В чем дело, мама? Но мать не отвечала, она просто сидела за длинным обеденным столом спиной к Джессике. Я опоздала к завтраку? Ты с ума сошла, мамочка? Не сердись, мамочка.

Шепот. Джессика медленно встала. Ее ноги показались ей легкими, как перышко. Колени стали гораздо крепче, чем обычно по утрам. Ничего не болело. Она легко скользила к кухонному столу.

- Мама? - позвала Джессика и вдруг поняла, что не узнает собственного голоса. Это был не голос ребенка, а голос взрослого. Но мать не обернулась. Черные волосы рассыпались по обнаженным плечам. У матери был такой вид, словно она собиралась на вечеринку. Под стулом, рядом с ее босыми ногами, стояли

великолепные туфли на шпильках. На ней было черное вечернее платье, то самое, в котором она была на своем первом большом гала-концерте.

Шепот. Джессика улыбнулась, когда поняла, что мама говорит на иностранном языке. Джессика говорит по-английски с друзьями в школе, по-шведски дома с матерью и по-фински с отцом. Но язык, на котором шептала сегодня утром ее мать, был Джессике незнаком. Она не понимала, что означали эти слова. В том, как мама говорила их, было что-то зловеще механическое. Они звучали так, будто она читала что-то с листа, что-то, чего сама не понимала. Внезапно в голову Джессики закралась пугающая мысль. А что, если фигура, сидящая к ней спиной, вовсе не мама, хоть и похожа на нее? Джессика все еще не видела ее лица. Плечи алебастровые. Лунный свет, льющийся через окно, образовал мостик к креслу, в котором сидела ее мать.

– Мама? – тихо позвала Джессика, направляясь к обеденному столу. Она хотела, чтобы мама повернулась и продемонстрировала Джессике свою красивую улыбку. Взяла ее на руки. Она хотела почувствовать себя ребенком. Хотела, чтобы мир снова стал таким, каким он был в шесть лет.

Из динамиков доносилась «Imagine» Джона Леннона. В комнате стоял кислый запах, немного похожий на запах того, что папа иногда сливает в раковину. Но сегодня утром от папы не осталось и следа.

Шепот. Слова шипят, словно выскальзывают из зубов, в них есть доля сдерживаемой агрессии. Теперь Джессика стояла позади мамы и касалась ее обнаженного плеча. А потом мама медленно обернулась. Это действительно она. Но улыбка была совсем не той, на которую надеялась Джессика, совсем не та улыбка, которая играла у мамы на губах в тех многочисленных случаях, когда она будила свою дочь. Это была совсем не счастливая улыбка.

Джессика почувствовала, как ее охватил ужас, она не могла пошевелиться. Она пыталась закричать, но не смогла. Мама томно поднялась со стула, ее движения были скованны и неестественны, как будто кто-то раздробил каждую косточку в ее теле и беспорядочно склеил обратно. Джессика попыталась сделать шаг назад, но ее ступни твердо стояли на полу. Она будто была закреплена на месте.

– Посмотри в зеркало, – прошептала мама и сделала шаг к ней. Руки были вытянуты, пальцы скрючены, как когти стервятника, готовые вонзиться в ее

волосы.

А потом Джессика ощутила, что падает. Ее пальцы сжали одеяло, диван был мокрый от пота. В гостиной было темно, телевизор выключился автоматически по таймеру. Электронные часы показывали 3:30 утра. Снаружи завывал ветер, стекла скрипели.

20

Женщина средних лет с острыми скулами окинула Джессику оценивающим взглядом. Минутой раньше Джессика сообщила ей, что она и есть гостья Коломбано.

- Для вас зарезервированы два билета, - проговорила женщина по-итальянски.

- Я одна.

- Хорошо, - сказала женщина, заставив себя улыбнуться.

- Добро пожаловать.

Джессика положила билет и программку в сумочку, прошла мимо женщины в кассе, почувствовав на своем затылке ее критический взгляд.

Внутри царил приятная прохлада. Стены были украшены орнаментом, пространство напоминало церковь, но полностью лишенную религиозных атрибутов и произведений искусства. Люди постепенно стекались в маленький концертный зал, некоторые были одеты в рубашки поло и шорты, другие так, будто собирались посетить оперный гала-концерт. Гул голосов эхом отдавался в высоком зале. Большую часть посетителей концерта явно составляли туристы. Судя по вывеске на улице, билеты стоили не больше нескольких десятков евро, так что вряд ли Джессику ждал концерт мирового класса.

Джессика была в темно-синем платье и туфлях на шпильках. Она знала, что выглядела великолепно, но не была уверена, нарядилась ли она под стать

событию или исключительно для Коломбано. Когда она красилась в гостиничном номере, ее охватила внезапная неуверенность. Образ плачущего Коломбано и металлическое кольцо на его левом безымянном пальце снова предстали перед ее глазами. Тот факт, что он заказал два билета для Джессики, означал, по всей видимости, что он не искал компании. Не покажется ли странным, что она пришла одна? И, главное, не выдаст ли это ее лжи о друзьях? Узнает ли Коломбано ее в толпе? Поздоровается ли он с ней? Будет ли у них возможность перекинуться несколькими словами после концерта?

Джессика снова достала билет и посмотрела на него. Билет не имел указания места. Первые несколько рядов были уже заполнены. Большинство зрителей явно относилось к пожилым людям, но в толпе также мелькали лица нескольких молодых пар. Джессика села на крайнее сиденье в ряду и опустила сумочку на колени. На сцене было четыре струнных инструмента: бас и виолончель опирались на подставки, две скрипки покоились на стульях.

Джессика ощутила кислый привкус во рту. Прежде чем прийти, она заказала в кафе бутылку просекко, выпила два бокала, а затем оставила почти полную бутылку в сгущающихся венецианских сумерках. Алкоголь согрел ее живот и успокоил, как рука верного друга на плече.

Прошло еще пятнадцать минут, прежде чем расселись последние гости. Аншлага не было: повсюду стояли пустые стулья. Наконец из динамиков донесся звонок. Освещение слегка приглушили, болтовня стихла, как будто кто-то нажал на выключатель. Затем из глубины зала донеслись шаги, и публика захлопала. Одетые в парадные костюмы музыканты, мужчины и женщины разных возрастов, прошли мимо нее к сцене, каждый взял свой красноватый деревянный инструмент.

Звуки настройки инструментов отдались эхом в безмолвном зале. Коломбано на сцене не было. Джессика бросила взгляд на двери в задней части зала, но они оказались закрыты. Что происходит? Она пришла в правильное место, ее имя было в списке. А Коломбано сказал, что будет выступать сам.

Джессика достала из сумочки программку. Концертный зал на фотографии был тем же самым. По крайней мере, некоторые из участников оркестра явно походили на музыкантов с фотографии. Почему здесь нет Коломбано? С ним что-то случилось?

Теперь инструменты были крепко зажаты в руках музыкантов. Смычки взметнулись в воздух. Музыканты кивнули друг другу. Смычки начали двигаться взад и вперед, создавая такой яркий тон, что у Джессики мурашки побежали по коже. Она бросила взгляд на программу. Бах. Ария на струне Соль. Мелодия была настолько прекрасна, что у нее захватило дух. Закрыв глаза, Джессика представила холмик с цветами на нем, себя, стоящую около края могилы и буквально ощущающую стоявших рядом людей и руку тети Тины на своем плече. По ее щекам текли слезы. Цветочные букеты белые, это был любимый мамин цвет.

Мелодия звучала не дольше нескольких минут, но для Джессики это захватывающее дух путешествие в прошлое заняло вечность, впрочем пронесшуюся слишком быстро.

Когда все кончилось, публика снова захлопала, и Джессике потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и присоединиться к аплодисментам. Музыка зазвучала снова. А потом мимо нее к сцене прошел улыбающийся мужчина со скрипкой в руке. Коломбано. Он – солист. Он – звезда шоу.

Джессика закинула ногу на ногу и одернула подол юбки. На душе у нее было светло. Она опустила руки на колени, наблюдая за тем, как красивый мужчина поднимается на сцену, кладет скрипку под подбородок и улыбается публике.

Но прежде всего Коломбано улыбался ей.

21

Старший инспектор Санна Поркка сжала руль, наблюдая гипнотическое зрелище. Пыль, кружившаяся над поверхностью шоссе, танцевала в свете дальних фар ее автомобиля. Он выхватывал из темноты не только сметенный по обеим сторонам дороги снег, но и голые стволы деревьев, скрывающих за собой бесконечную тьму. Они уже час ехали по сильному снегу, но до Хельсинки им еще оставалось ехать больше трех часов, и это без остановок. По телефону ее коллега старший инспектор Миксон подчеркнул, что особой спешки нет. Важно было лишь доставить Копонена в Хельсинки в целостности и сохранности, чтобы

утром они могли все тщательно обдумать.

Санна бросила взгляд на навигатор на приборной панели. Как только они проедут Юву, она должна будет свернуть на шоссе 5 в сторону Миккели, откуда их путешествие продолжится через Лахти и далее в Хельсинки. Дорога не вольется в скоростную автостраду, пока они не доберутся до Хейнолы. Несмотря на то что никакого движения не наблюдалось, для усталого человека езда по узкому шоссе – это стресс. На пути им встречались только случайные полуприцепы, едущие в противоположном направлении, Санне даже не пришлось никого обгонять.

– Скажите мне, если вам нужно будет остановиться, – предупредила Санна, глядя в зеркало заднего вида. За всю дорогу ни она, ни Копонен не проронили ни слова. Писатель так тихо сидел на заднем сиденье своей «Ауди», что пару раз Санне казалось, будто он заснул. Но Копонен даже не закрыл глаз, все это время его пустой взгляд был устремлен на лес, мелькавший мимо них будто монотонная кинолента. Несколько бутылок ликера размером с большой палец из мини-бара отеля присоединились к нему в поездке.

– Остановиться? – пробормотал Копонен и перевел взгляд на переднее сиденье. Санна почувствовала запах виски в его дыхании.

– Да, если...

– Сейчас половина второго ночи. На кой черт нам останавливаться? – голос Копонена был тих, он потер морщины на лбу.

На мгновение Санна задумалась, не ответить ли ей, но решила не делать этого. Она пыталась быть дружелюбной, этого достаточно. Странно было бы ожидать абсолютно нормального поведения от кого бы то ни было в подобной ситуации. Парень, должно быть, в шоке. Он, вероятно, просто хотел бы вернуться домой, сесть рядом с женой на диван и рассказать ей, какие же все остальные люди безумцы. Но Мария Копонен мертва. И теперь Санна понимала, о чем говорили Копонен и ее коллеги: она взглянула на фото, присланное шефом Миксоном. Застывшая ухмылка на лице женщины отпечаталась на сетчатке глаз Санны. Она могла представить себе ее даже среди снежинок, мерцающих в свете автомобильных фар.

– Простите меня, – вздохнул Копонен. Пробка в его руках треснула, и Санна вынырнула из своих фантазий. Спидометр показывал слегка за сотню – немного выше установленного предела скорости. Хоть шины и были универсальными, погодные условия до такой степени не радовали, что приходилось постоянно ощутимо напрягаться.

– Я не хотел показаться грубым, – продолжил он усталым голосом, затем поднес бутылку к губам. Санна не была уверена, что выпивка – это лучшее для Копонена в этот момент. С другой стороны, это могло бы успокоить его, возможно, даже помочь заснуть. В инструкциях Миксена не было никаких конкретных указаний: нужно было просто завалить Копонена в машину и отвезти в Хельсинки.

– Да ничего, – ответила Санна, быстро оглядываясь через плечо. Взгляд ее был слишком мимолетен, чтобы хорошо разглядеть Копонена в темноте, но выражение его лица показалось ей мирным.

Санна убрала ногу с педали газа. Двигатель, мурлыкающий под капотом «Ауди», сбросил обороты. Ее пальцы огладили тисненую кожу на руле. Великолепная машина. Может быть, когда-нибудь и она сможет купить себе машину, которую хочет, а не ту, которую может себе позволить.

– Мы будем в Хельсинки самое раннее в 4:30, – сказала Санна, засунув подушечку табака под верхнюю губу кончиком языка. Ее пассажир ничего не ответил, но Санна заметила, как он откинул голову на подголовник.

Санна не была в Хельсинки целую вечность, и на этот раз она не намеревалась оставаться там дольше, чем этого требовала необходимость. Сегодня у нее все равно дежурство, так что неважно, где она проведет свой рабочий день: на вокзале в Савонлинне или в дороге, перевозя только что овдовевшего автора бестселлеров. Кроме того, ей нечасто выпадал шанс сесть за руль новенького роскошного автомобиля.

– Вы читали мои книги?

– Нет, – быстро ответила Санна. Дальнейшие объяснения показались бы странными. Копонен глубоко вздохнул.

– В них описаны совершенно безумные вещи... Если все будет так... Я даже представить себе этого не могу.

– У вас будет возможность рассказать обо всем этом, когда мы приедем в Хельсинки, – спокойно ответила Санна. Несколько мгновений прошли в молчании. Затем она вдруг услышала плач с заднего сиденья. Санна не была уверена, вызвана ли внезапная вспышка эмоций ее пассажира тем, что до него наконец-то дошла мысль о смерти его жены, или тем, что он молча перебирает в голове все ужасы, которые породило его воображение. Жуткие фантазии, которые вдохновили какого-то больного человека убить его жену. Санне хотелось сказать ему что-нибудь утешительное, но ничего не получалось. Все это уже было сказано. Расстояние до заднего сиденья показалось большим, чем световой год.

Мимо пронесся полуприцеп, и поток воздуха от массивной машины обдул «Ауди». Снег падал на асфальт, сбивался в бешеные вихри. И тут Санна увидела, как в зеркало заднего вида забил яркий свет.

22

Виски обжег ему горло, но не парализовал. Недостаточно. Женщина в форме за рулем машины не сводила глаз с дороги. Роджер почувствовал, как кровь закипает в его жилах, а потом резко отступает, от чего кончики пальцев замерзают. Однообразный лесной пейзаж, проносящийся за окном, абсолютная скука заснеженных хвойных деревьев вызывали у него тошноту. Он сгорал от желания принять предложение своего водителя и попросить ее остановиться. Ему хотелось броситься в лес, нырнуть между деревьями, как водоплавающая птица ныряет в заросший сорняками пруд. Ему хотелось исчезнуть в этой невзрачной трясине, прижаться к земле, зарыться в снег, впасть в спячку, как медведь, не думая о предстоящей весне.

Это его вина. Это он убил Марию. Эта мысль высвободила что-то внутри него. Он ощутил, как слезы текут по его щекам, а губы кривятся в безутешном рыдании. Он получил все, чего когда-либо хотел: литературный успех и красавицу жену, ожидающую его в большом доме на берегу. Но теперь все это казалось лишним смыслом, как будто он жил и писал только для Марии, переживал ее

чувства, видел себя с ее точки зрения. Восхищался собой в том, что восхищало Марию. А теперь она ушла. Навсегда.

Любил ли он ее? Может быть. По крайней мере, по-своему. Он был готов сделать все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Была ли это любовь, или Роджер просто хотел содержать свой аквариум в чистоте, а рыбок сытыми? Он не знал точного ответа, и это заставляло его чувствовать удушающую вину. А теперь уже слишком поздно было это выяснять, потерянное счастье навсегда озолотит эти воспоминания.

Мимо них проехал большой грузовик. Машина раскачивалась, автоматические дворники на секунду махнули, как руки на рок-концерте. Машине всего шесть недель. Почти новая. Каждая деталь, вплоть до аксессуаров и кожаной обивки, была тщательно подобрана в прошлом году. Но она уже не пахнет чем-то новым. Она пахнет смертью. словно гроб, который тянут триста сорок лошадей.

– Выключи их, черт побери!

– Что? – спросил Роджер, шмыгнув носом, и поднес бутылку к губам.

Шеф полиции бросила взгляд в зеркало заднего вида. Яркий свет пронизывал заднее стекло автомобиля.

– У той машины сзади нас включен дальний свет, – сказала она и поправила зеркало заднего вида.

Роджер вытер рукавом уголок глаза, оглянулся через плечо, и свет ослепил его.

– Черт... – пробормотал Роджер и быстро обернулся. Он сразу понял, что машина находится всего в нескольких десятках метров от них.

Через мгновение фары машины погасли.

– А теперь они нас обгоняют, – прошептала себе под нос женщина за рулем, обеими руками сжимая его.

Роджер огляделся, когда машина поравнялась с ними. Они уже сбросили скорость до восьмидесяти километров в час, но машина сзади не спешила их обгонять. Роджер увидел, как капот внедорожника плавно скользит, не отставая от них.

– Какого черта он делает? – Женщина в форме за рулем повернулась, чтобы бросить суровый взгляд в окно. На пассажирском сиденье лежала съемная синяя мигалка, уже подключенная и готовая к работе. Она взяла ее с собой на всякий случай. Наглец в машине рядом с ними быстро остановится, если она включит ее.

Роджер бросил взгляд на приборную панель, их скорость упала до семидесяти. Внедорожник будто стал их тенью, цеплялся за них, как прицеп. Длинный участок дороги, открывавшийся перед ними, был пуст.

Пальцы женщины нащупали полицейскую мигалку. Она постановила ее на крышу и включила. Полоса голубого света лизнула стекла автомобиля, преследующего их. А потом боковое стекло внедорожника опустилось. Маленькая бутылочка коньяка выскользнула из пальцев Роджера. Он узнал худое лицо, уставившееся в открытое окно, надоедливый зритель из центра.

Вы боитесь того, о чем пишете?

23

Звонок смешался с его сном. Эрну потребовалась минута, чтобы проснуться и сесть на потертый кожаный диван. Кондиционер обдувал его лицо холодным воздухом, и теперь у него болела шея. Лихорадка, вероятно, усилилась. Номер, вспыхнувший на экране, принадлежал Санне Поркке, сотруднице полиции, которая, по их договоренности, должна была отвезти Копонена из Савонлинны в Хельсинки. Сейчас 3:15 утра, офис был пуст.

– Алло? – Эрн с трудом смог заговорить и даже не сумел сдержать кашель.

- Respite in speculo resplendent, - произнес женский голос. Очень похоже на старшего инспектора, но голос у нее вялый, дрожащий.

- Что?

Затем наступила тишина. На заднем плане послышался шорох. Женщина всхлипывала. Эрн попытался осмыслить услышанное, но его мысли все еще путались после сна.

- Поркка?

- Respite in speculo resplendent.

- Не понимаю, - пробормотал Эрн и сел. Он все еще был не в себе и не понимал, что происходит. Он крепче сжал телефонную трубку. - Что случилось? Где Копонен?

Раздались крики, и звонок оборвался. Эрн мгновение смотрел на экран своего телефона, затем перешел в меню входящих вызовов и нажал на номер Санны Поркки.

Номер недоступен.

Твою мать. Пару часов назад Эрн сохранил номер Роджера Копонена, но и до него не смог дозвониться. Что-то было не так. Эрн с силой потер лицо и вошел в кабинет. Он выбрал следующий номер из телефонной книжки и нажал на значок вызова.

- Полиция Савонлинны... - настороженно, учитывая время звонка, ответил мужской голос.

- Миксон, Хельсинкский отдел по расследованию убийств. В котором часу Поркка и Копонен покинули Савонлинну?

- Одну секунду...

– В котором часу они поехали в Хельсинки? – рявкнул Эрн и услышал, как застучали пальцы по клавиатуре. Прошли мучительные десять секунд.

– Согласно журналу, они выехали из участка в 1:03 ночи. Но разве они не должны были поехать на его машине?

– Да, а что?

– Насколько я понимаю, они должны были забрать ее из гаража отеля, так что потребовалось бы некоторое время, прежде чем они действительно выехали бы на дорогу, – объяснил дежурный офицер и замолчал.

Эрн сел за компьютер и прощупал пульс на шее.

– Разве Поркка не отвечает на звонки? – спросил дежурный офицер.

– Нет.

– Но... Если бы что-то случилось на дороге, нам бы сообщили... Что еще...

– Позвоните мне немедленно, если что-нибудь узнаете, – бросил Эрн и повесил трубку. Он слышал, как кровь стучала у него в ушах. Голые ветви березы царапали окно.

Эрн вывел на экран компьютера карту. Выехали ли Поркка и Копонен из Савонлинны? 1:03 утра... Плюс двадцать минут... Они ехали два часа максимум... Эрн провел курсор по маршруту от отеля «Сокос» в Савонлинне и остановил его между Миккели и Хейнолой.

«Черт побери! Черт! Черт!» – шептал Эрн себе под нос, пытаясь найти особый номер телеоператора для спецслужб. Он снова поднес трубку к уху, в то же время стараясь вспомнить, что говорила ему Поркка по телефону. Респис... черт возьми. Эти слова вообще ничего для него не значили.

Дежурный в ночную смену на линии экстренной помощи ответил на звонок, но Эрн заикался, не в силах объяснить, что ему было нужно. Холодная волна окатила его.

Поркка говорила на латыни.

24

Джессика сидела на краю дивана, уставившись на обеденный стол. Она включила торшер рядом с диваном, потому что сейчас темнота стала беговой дорожкой, заставлявшей ее воображение мчаться галопом.

Она не помнила, чтобы когда-нибудь испытывала что-то подобное. Ее сны никогда не казались такими реальными.

В деле, над которым она работала, явно присутствовало что-то необычное. Возможно, извращенный способ убийства. А может быть, Джессике это преступление травмировало больше, чем она думала. А может быть, и то и другое.

Джессика разогнула колени и встала. Суставы болели, она почувствовала резкий укол в бедре. Иногда она задавалась вопросом, может ли она что-нибудь сделать с этой болью, которая была не настолько сильной, чтобы упомянуть о ней в кабинете врача. Боль преследовала Джессику так долго, что стала ее частью, частью памяти ее тела, частью, которую Джессика не хотела у себя забирать. Ее разум уже давно справился с тем, что произошло, но она намерена была дать своему телу столько времени, сколько потребуется. Она многим ему обязана.

Джессика прошла мимо кресла, на котором во сне видела свою мать. Она посмотрела на него краем глаза и на мгновение вернулась к тревожному кошмару, к женщине в своем сердце, которая напоминала ей мать, но не была ею. Посмотри в зеркало.

Паркет заскрипел у нее под ногами. Джессика остановилась в дверях кухни и почувствовала, как у нее сводит живот. Что за...

Адреналин бурлил в теле. Ее черный халат висел на спинке барного стула ровно там, где Джессика оставила его после душа. На кухне никого не было. А халат,

учитывая все обстоятельства, создавал удивительно эффективную оптическую иллюзию в темноте. Джессика сгребла его в охапку и бросила на стол. Она слышала свое тяжелое дыхание.

Щелкнул электрический чайник. Радиочасы показывали время – 3:46 утра. Ей нужно еще немного поспать, иначе предстоящий день будет слишком долгим.

Джессика перевела взгляд на окно и увидела отражение кухни, купающейся в свете, саму себя в центре, в спортивных штанах и футболке, черные волосы собраны сзади в «конский хвост». Черт лица почти не разглядеть.

Посмотри в зеркало.

Во сне Джессике явилась Мария Копонен. В точно такой же позе и в такой же одежде Джессика видела ее на месте преступления. Но лицо... лицо было ее матери. Джессика никогда не утруждала себя толкованием снов, несмотря на то что время от времени была вынуждена обсуждать их на сеансах психотерапии. И все же она не могла отделаться от мысли, что слова, произнесенные ее матерью во сне, означали что-то важное.

У нее заурчало в животе. Она ничего не ела со вчерашнего обеда. Джессика взяла хлеб из корзинки, бросила два ломтика в тостер и включила его на полную мощность, потому что не хотела ждать ни секунды дольше необходимого. В чайнике булькала вода. Ноутбук все еще стоял на стойке. Джессика достала из буфета чистую белую кружку. Наливая воду для чая, она услышала, как вибрирует телефон в кармане ее спортивных штанов. Джессика почувствовала, как забился ее пульс. Эрн не стал бы звонить ей посреди ночи, если бы это не было очень серьезно.

– Эрн?

– Проснулась?

– Да.

– Извини. Помню, что говорил, что вам, ребята, надо отдохнуть...

- Что происходит?

- У нас еще два трупа.

Джессика осознала, что новости Эрна, какими бы ужасными они ни были, ее не удивили. Чего же еще следовало ожидать? Джессика заставила себя промолчать и позволить Эрну самому подобрать слова. Она долго слышала лишь его тяжелое дыхание - пауза явно затянулась. Наконец Эрн проговорил:

- Позвони Юсуфу, пусть он тебя заберет.

Джессика подошла к кухонному окну. Шаг за шагом ее отражение становилось все более отчетливым, более знакомым. Джессика ощутила странное облегчение, как будто боялась, что за окном окажется что-то, чего она не хотела бы увидеть.

- Эрн? - наконец отозвалась она. - Что случилось?

- Два трупа были найдены в лесу в Юве, недалеко от озера Салаярви. В шестидесяти километрах к западу от Савонлинны...

- Савонлинна... - тихо произнесла Джессика. Она прижала пальцы к стеклу. Оно показалось холодным, как будто ледяной ветер пронзил его насквозь.

Она молча слушала слова Эрна, хотя уже знала, что он собирался сказать. Брошенная «Ауди» Копонена. Мобильный инспектора Поркки, странный звонок. Затем Эрн драматично вздохнул:

- У нас есть все основания предполагать, что тела принадлежат им...

- Что значит «есть все основания предполагать»?

- Джессика. Тела нелегко опознать. Они были сожжены.

- Святые угодники...

В этот момент в кухне раздался резкий хлопок, и сердце Джессики замерло. Телефон упал на кафельный пол. Запах гари наполнил кухню. Джессика посмотрела на тостер, из которого только что вывалились два куска почерневшего хлеба.

25

В конференц-зале пахло сигаретными окурками, несмотря на то что в последний раз курение там было разрешено где-то в начале двухтысячных. Стояло раннее утро, ветер утих, но на улице было еще темно. Из окна открывался вид на гигантскую строительную площадку, окружавшую железнодорожную станцию Пасила, пустынную, несмотря на яркий свет фонарей. Высокие краны поднимались ввысь, как динозавры, спящие стоя.

Джессика обхватила пальцами кружку с чаем и поднесла ее к губам. За исключением Эрна, здесь собралась вся команда: Юсуф, Нина, Микаэль и Расмус, от которого, как обычно, разлило потом. В участке шутили, что дезодорант Расмуса – худший друг в мире, потому что предает его каждый день. Удивительно, что эти насмешки до сих пор не достигли его ушей, потому что если бы дошли, он бы наверняка решил проблему. Расмус Сусикоски, ровесник Джессики, был юристом по образованию и не провел ни одного дня вне участка. Несмотря на это, а также благодаря своему острому уму и энциклопедическим знаниям он доказал свою ценность во многих расследованиях.

Нина Руска беспечно стучала по своему телефону, как будто она вернется в конференц-зал в полицейском управлении и в жуткую реальность только после того, как нажмет кнопку «Отправить». Нине было за сорок. Благодаря выразительным чертам лица и щедрой россыпи веснушек она не утратила привлекательности. Ее не портила даже повседневная форма одежды, состоявшая из джинсов и толстовки с капюшоном. Микаэль Каариниеми, сидящий рядом с ней, яростно жевал резинку. Мике был ровесником Нины и недавно окончательно отказался от борьбы с выпадением волос, но его рубашки все так же оставались всегда удивительно хорошо отглаженными. Он поднял бровь, глядя на Джессику, и она быстро отвернулась.

– Доброе утро, – поприветствовал их Эрн, закрывая за собой дверь. Остальные пятеро участников пробормотали что-то в ответ. – Брифинг для прессы начинается в восемь. К тому времени мы должны наметить хотя бы предварительную линию расследования.

Эрн использовал пульт дистанционного управления, чтобы включить видеопроектор. Комната наполнилась приглушенным жужжанием устройства, свисающего с потолка.

– Ты первый, Рас, – сказал Эрн и прислонился к столу.

Расмус прочистил горло, поправил очки на носу указательным пальцем. Он бросил быстрый взгляд на остальных и, запинаясь, начал:

– Мы прочитали трилогию Копонена. Уже зашли на второй круг – может быть, теперь поймем какие-то детали, которые пропустили в первый раз. Мы нашли в общей сложности восемь убийств, семь из которых можно считать ритуальными. Для каждого нашего дела есть совпадение из книги Копонена.

Слова Расмуса нарушили царившее в комнате напряжение. Они подтвердили то, о чем в глубине души все уже догадывались.

– Преступления в книге происходили в том же порядке? – на удивление спокойно спросил Эрн, скрестив руки на груди. Джессика бросила взгляд на своего начальника и снова повернулась к Расмусу, сидевшему рядом с ней.

– Нет. – Расмус нервно потеревил дужки очков. – Убийства были совершены не в том порядке, как описано в книге. То есть я имею в виду первые два, но если мы будем рассматривать два убийства этой ночью как сожжение на костре... У меня тут копии для всех...

Расмус подтолкнул тонкую стопку бумаг на середину стола, и все расхватили по экземпляру. Джессика посмотрела на список и нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сленговое американское выражение, обозначающее быстрый сексуальный акт, не требующий продолжения отношений. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Пасила – район Хельсинки.

3

Вапоретто – речной трамвай, маршрутный транспорт в Венеции

4

Фотографировать, пить и есть запрещено (итал.).

5

Мика Сало – финский автогонщик, пилот «Формулы-1».

6

Мика Хаккинен – финский автогонщик, обладатель двух чемпионских титулов.

7

Флорбол – разновидность хоккея с мячом

Купить: https://tellnovel.me/ru/sek_maks/ohotnik-na-ved-m

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)